

Александр Груша

Глаза

16+

Александр Константинович Груша

Глаза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075321

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06451-5

Аннотация

Дневник убийцы. Молодой человек по имени Александр Споров имеет острую боязнь глаз и чужих взглядов. Он считает, что чужие глаза могут прочесть его грязную душу, за которой стоит ужасное прошлое, за которое он столь сильно себя корит. Кроме того, он страдает от навязчивых мыслей и идей, которые впоследствии сподвигнут его к идее, что глаза мёртвых людей не способны прочесть его душу, и он сможет спокойно смотреть в них. Боязнь этой мысли вынуждает его начать вести дневник, чтобы найти оправдание для его родителей и родственников, на случай если это всё-таки случится.

Содержание

День 1	5
День 2	9
День 3	24
День 4	33
День 5	47
День 6	61
День 6	69
День 7	83
День 8	103
День 9	115
День 10	116
День 11	129
День 12	138
День 13	140
Эпилог	142

ВНИМАНИЕ! Все совпадения случайны. Сюжет произведения “глаза” является вымыслом автора. Приятного чтения.

День 1

6 марта 2016

Сегодня первый день, когда я веду этот дневник. Меня зовут Александр Споров, мне 16 лет. Мне всегда казалось, что дневники – это бесполезная трата времени для маленьких девочек, которые лишь желают написать там все свои любовные тайны, чтобы их потом украли, а потом жалостливо умолять о том, чтобы его вернули. Что их дневник – это их собственность с их личными секретами. В таком случае, зачем писать и таскать этот самый дневник в школу, если ты стараешься скрыть эти секреты? Зачем писать всё, что с тобой происходит в жизни в этот дневник, если тебе, итак, это видно и понятно? Если все твои секреты уже в твоей голове. И, ведь ты не будешь перечитывать этот дневник, скорее всего просто напишешь, да и оставишь до того момента, как снова решишь туда снова что-то записать. Может быть, эта самая девочка просто хочет успокоить свои душевные переживания. Как обычно сообщают психологи (вычитал это в интернете) нужно рассказать и признать всю правду о себе. Желательно кому-то. Видимо, именно так она обходит эту систему, чтобы выпустить все переживания из себя и оставить их в дневнике. Но в таком случае нафига их таскать с собой в школу? Чтобы было спокойнее, что все твои тайны у тебя под рукой? Мда уж. Сомнительно всё это.

Закономерный будет вопрос у человека, читающего этот дневник: “зачем же ты в таком случае пишешь дневник?”. Вопрос хороший, но, очевидно, что вопрос этот задал человек, совершенно не думая об этом вопросе в голове, а просто спросив его от балды и, возможно, только потом ему в голову взбредет тот факт, что я специально выделил целую страницу своего дневника на то, чтобы плавно подвести к тому, зачем я решил вести свой дневник.

У меня нет какого-либо желания раскрывать здесь свои тайны или описывать здесь обычную бытовую историю о том, как сегодня я сходил в школу, а потом не вернулся и не делал уроки. Хотя, вероятно, тайн обо мне в этом дневнике будет достаточно и этому есть причина. Дело в том, что со мной последнее время происходят немного странные вещи. Я понимаю, что может подумать читающий, учитывая тот факт, что я указал, что мне 16 лет. Но я совсем не об этом. Как мне кажется, пубертатный период уже давно обошел меня. Меня волнует другое... Скажу, чтобы было чуть больше понятно. В данный момент мои родители уехали на месяц, и теперь я всегда сижу один дома. Весело, правда? Но нет. У меня есть ощущение, что свобода, дарованная мне на месяц, не приносит счастья, а лишь беды. У меня есть ощущение, что свобода от цепей приведёт меня к страшным последствиям. К одному поступку, которого я страшно боюсь, но я просто не смогу сдержать себя, и это случится.

Именно поэтому я решил записать этот дневник. Прежде

всего, чтобы, когда это случится, то люди из органов смогли прочесть этот дневник и понять, о чём я думал в этот момент. Я, конечно, оставляю вариант, где это не случится и всё будет хорошо. Именно поэтому я никогда не оставляю дневник на видном месте. В моей комнате, возможно, как и во многих других комнатах лежит горстка сумок или портфелей, такие потёртые все изношенные, которые уже никому не нужны и ими никто не будет пользоваться. Так вот, у меня тоже такая есть. Там лежит сумка, которая всегда открыта, чтобы лишний раз отодвинуть всё внимание других людей от этой сумки. Именно там будет лежать этот дневник. Если человек, читающий это, найдет дневник где-либо в другом месте, значит уже есть человек, который успел его прочесть. Очень хотелось бы, чтобы этот человек принёс этот дневник в нужное место. Думаю, этот человек и сам понимает о чём я говорю, если дневник всё-таки попадет в его руки, и он дочитает его до конца. Я рассматриваю такой вариант только в том случае, если я всё-таки оступлюсь и сделаю одну большую ошибку своей жизни. Я намеренно обхожу все подробности того, что и зачем будет, специально, надеясь, что это никогда не случится, и я смогу жить спокойной жизнью.

Вторая причина, по которой я решил начать вести этот дневник – это слежка и просмотр за самим собой. До того момента, как это случится, я хочу наблюдать за самим собой и своими поступками, чтобы проанализировать, что может произойти дальше. Я буду писать своё физическое и духов-

ное самочувствие, а после перечитывать всё с самого начала и смотреть, как каждый день оно меняется. Возможно, читатель посчитает, что это глупая затея, и никаких плодов она не принесет. У меня другое на это мнение. Если уже сейчас я замечаю то, как сильно иногда могут меняться мои взгляды на происходящее, то я уверен, что если я буду фиксировать эти изменения, как для себя, так и для **нужного органа**, то это будет очень информативно и полезно использовано в будущем. Не знаю для кого: для умягчения наказания или же для собственного спасения.

Сегодня дело уже идёт к вечеру. Идея начать писать дневник возникла спонтанно и пожирала меня изнутри, пока я не сел за дело, в прочем, как и любая другая идея в моей жизни. И так как сейчас – вечером, мне совсем нечего описывать, что могло бы показаться мне полезным в моём же самокопании, то я начну скрупулёзную запись этого дневника с завтрашнего дня. А потому на сегодня всё. Надеюсь, всё обойдётся.

День 2

9 марта 2016 года

Посмотрев на дату, читателю покажется, что я был уж очень чем-то занят... Но нет. Все эти дни я переживал все свои опасения один. Никуда не записывая, пытаюсь отвлечь себя фильмами или еще какими-то развлечениями. На самом деле, кажется, я стал понимать в чём именно смысл записи подобных дневников. В смысле не подобных моим, а подобным тем, что обычно любят записывать маленькие девочки, вечно плавающие в грёзах своих мечт. Это общение. Не могу никак вспомнить про своих одноклассниц, что занимались подобным, но могу даже предположить, что чаще подобные дневники записывают скорее одинокие, нежели люди компании. Ведь, в каком-то смысле дневник выступает аналогом собеседника. Ты ведешь диалог, может и с пустотой, но всё же ты ведешь этот диалог. Тебе никто не ответит, но определённо всяко приятней, когда ты проговариваешь свои мысли и переживания в такой форме, будто ты говоришь это каким-то своим слушателям или поклонникам, нежели с самим собой в своей голове, где и так полная каша, откуда бы уж точно не помешало бы выкинуть все эти переживания.

Возвращаясь к вопросу о том, почему я не писал эти три дня. Как мне помнится, сразу после написания первых стра-

ниц дневника я ушёл спать. И как это обычно бывает, в постели я обдумывал насущное. И тут мне в голову пришла мысль, которая словно схватив меня за горло, заставила действовать, но уже в обратную сторону. Кажется, что мой разум совсем не может определиться чего он хочет. В общем, в постели я подумал, что всё на что я потратил эти полчаса, а именно на пару вступительных страничек в дневнике, было бессмысленным и не нужным занятием. Что от этого срочно нужно избавиться и перестать этим заниматься. Так я и решил сделать на следующее утро. Я взял дневник и вместо того, чтобы положить его в его же законное место – в сумку, я всунул его в какой-то отдел, где лежало куча таких же тетрадок. И так я отложил свою внезапно вспыхнувшую дотла идею на долгий ящик.

Но почувствовав вновь всё те же позывы я понял, что идею нужно вскоре вернуть и начать вести расследование с самим собой. А также отобрать работу у следователя в будущем, очень хотелось бы, чтобы этого никогда не случилось, но чувствую, что это просто невозможно. Итак. Сегодня 9 марта. Соответственно вчера был всемирно женский праздник. Намного логичнее было бы начать его вести восьмого марта, так как всё-таки вести дневники это женская прерогатива, но делать что-то настолько неприятное мне, сулящее в будущем лишь одни неприятности мне и моим родителям, я не стал. Тем более, когда мне позвонила мама, она была столь рада моему подарку, что мне вновь стало дурно на ду-

ше. Я знал, что если то, что случится – случится, то маме и папе будет безумно грустно.

В общем, отложим этот разговор на потом. Сегодня 9 марта 2020 года, мы выходим в школу. И я, несмотря на то что родителей совсем нет дома, не забываю ходить в школу, хотя мог бы себе позволить не ходить, в нашей школе более снисходительно относятся к прогулам. Но каждый раз, когда родители оставляют меня одного, то я чувствую какой-то огромный градус ответственности внутри себя. Словно я постоянно что-то делаю не так, словно до этого я упустил столько возможности показать им свою любовь к ним. До этого я мог лишь огрызаться на них, сам не знаю почему, но во мне за всё это время копилось очень много злости, которую я всю сливал на своих близких. От этого мне было больнее вдвойне, когда мама звонила мне издалека по телефону и разговаривала со мной добрым и любящим голосом. Я постоянно чувствую свою вину, и мне кажется, что я это заслужил еще в прошлом, но при этом все мои родственники ко мне чертовски добры. Я бы хотел показать им всю свою любовь, но не получается. Как бы я не старался, я закрылся перед ними всеми! Мне даже объятия противны, не говоря уже обо всём остальном.

Таки о чём это я? Сегодня я проснулся раньше обычного и тут же пошёл в душ для водных процедур. Ну, там зубы почистить и так далее. И именно тогда я решил сделать то, что я так долго планировал. Посмотреть на себя в зеркало, я

не часто делал это, словно не обращая на себя внимания, что я вообще существую в мире отражений. Но именно сегодня я долго рассматривал своё лицо. Серые глаза. Бледная кожа, длинные не расчёсанные чёрные волосы, мешки и синяки под глазами. На рту стояла небольшая улыбка. Глаза у меня были не большими и не маленькими, но каждый раз, когда я улыбался, я был похож на китайца. Хотя ранее мне это совсем не мешало. Сейчас я улыбаюсь намного реже. Оттого я часто забываю о том, какой у меня настоящий разрез глаз. Но когда я спокоен, то они совсем не кажутся маленькими. Тогда я не стал долго заикливаться на своих глазах. Мне показалось, что если я буду слишком долго всматриваться в их глубь, то так и застыну на одном месте и буду искать в них глубинный смысл. Понятия не имею почему, но такой интерес всё остальное лицо у меня не вызывало сколько глаза. Из того что я не отметил – это худое лицо и небольшая надбровная дуга, которую доселе я не замечал. Я слегка удивился, когда увидел её. Но она не так сильно отмечалась, и чтобы её заметить приходилось принимать некоторые усилия, долго рассматривая своё лицо, словно сейчас я не стою посреди ванной и пялюсь на свою морду, а разглядываю шедевр Ван Гога посреди картинной галереи.

После чистки зубов я ходил в туалет, листая ленту соц. Сети. Очевидно, что после туалета мне нужно было подтереться, когда я это делал, то я положил специально в коробку из-под косметики, чтобы ни одна из камер телефона не была

направлена на меня. Затем я помыл руки. А после я пошёл мыться и намеренно закрыл шторой ванну. Да, это странно. Я напомним, в квартире я был именно что один, но всё равно намеренно закрылся в туалете, а после того, как залез в ванную, то тут же закрыл её шторами. Понятия не имею зачем я в очередной раз это сделал, почему-то мне казалось, что если вдруг кто-то проникнет из воров или убийц в эту комнату, то за шторкой я буду в большей безопасности. После мытья в душе, я вновь помыл руки. Выходя из душа, мне показалось, что я не смыл за собой. Так и получилось, смыв я понял, что мои руки после того, как я дотронулся до кнопки унитаза, могли вновь испачкаться. Я помыл руки вновь и наконец вышел из ванной комнаты.

Как это обычно бывает, после длительного сна меня начала мучить жажда. Я прошёл на кухню и взял самую большую кружку из всех (я был большой водолюб). У меня была странная привычка, когда я наливал воду. Понимаете ли, я человек очень верующий, несмотря на вещи, которые иногда возникают в моей голове. И я считал, что если я не сделаю какую-то вещь в какой-то форме, то обязательно случится что-то страшное, или надо мной нависнет какое-то проклятие. Поэтому каждый раз перед тем, как попить воду, я совершал странный обряд, который я сам же и придумал. Не помню, когда и зачем, но, если я не ошибаюсь, это происходит уже на протяжении года. У нас была раковина с двумя кранам, из одного лилась грязная вода, которая ничем не фильтро-

валась и использовалась лишь для того, чтобы помыть посуду или руки. А второй кран был предназначен для того, чтобы пить из него воду. Но для этого нужен был фильтр и, насколько мне помнится, нужно было его менять раз в год. Так нам не надо было покупать снова и снова бутылки с водой. Итак, в чем же заключался мой обряд? Тот, что грязный кран был побольше, тот, из которого лилась чистая вода, меньше. Итак, сначала я набирал полную кружку большого крана, а затем выливал её, можно сказать, промывая всю кружку изнутри от всякой гадости, что могла скопиться за ночь. После я набирал помаленьку воды, чтобы делать всё чуточку быстрее, из маленького крана по три раза, и точно также выливал её по три раза. Ни помню шутка или правда, но я точно слышал фразу “бог любит троицу”, поэтому в моей голове затаилась мысль, что если я буду по три раза промывать кружку, то всё будет хорошо и можно будет пить. Но есть еще одна незадача. Число номер 4 мне казалось неудачным и будто тоже к какому-то проклятию. А потому если мне казалось, что я промыл кружку четыре раза, а не три, то я делал тот же обряд, хотя бы чтобы насчиталось число 9, чтобы число 4 даже не думало встречать. Только после этого я пил воду. Да, на словах это выглядит как очень долгая и муторная затея, но по факту у меня каждый раз это занимало, грубо говоря, две секунды. Делал я это всегда и этого совсем никто не замечал.

Итак, попив воды я стал быстро собираться и одеваться в

школу. По сути никаких неприятностей во время этих действий у меня не случается. Самое главное, перед уходом не забыть выключить красную кнопку сетевого фильтра. Он у нас был довольно старенький, и я очень боялся, что он однажды загорится. По факту какой-то опаски, что сторит дом, у меня не было. Скорее я боялся за три жизни, жизни своих животных. У меня их было три. Две собаки и одна кошка. За их жизни я переживаю больше всего. Ведь как представлю, что эти маленькие беззащитные звери, что так сильно блески к тебе и столь сильно тебя любят, могут однажды потерять связь с этим миром, больше не двигаться и просто замереть на месте, не двигаясь, не дыша, совершенно ничего. Просто умереть, то меня передергивало, и я тут же пытался выбросить эту мысль из головы. Определенно, это было бы для меня ударом, но я очень благодарен судьбе, что всё хорошо.

Уже выйдя в коридор, чтобы направиться в школу, я взглянул на время. Оно близилось к уроку, благо я еще успевал. Нацепив всю нужную одежду, а также взяв портфель, я схватил ключи и уже собирался выбежать на улицу, чтобы в быстром темпе идти до школы. Но вдруг я забыл одно но... Я не погладил обоих животных... Правой рукой я гладил кошку, левой двух собак. Я боялся, что кошка начнет ко мне хуже относиться. Погладить их всех было обязательным действием перед тем, как отправиться по делам. Опять же, если читатель мне задаст вопрос: “зачем?”. То я отвечу, что не знаю. Всё было на каком-то таком уровне, что я смотрел в

будущее. Мне казалось, что если я что-то упущу из списка этих малых вещей, которые я делал мимолётно, то кому-то станет плохо, чего я хотел меньше всего.

Теперь я уже был на улице. Хоть на дворе и стояла весна, но сегодняшняя, да и вообще любая погода весной в нашем городе, не сильно была похожа на весну. Может это странно, но весна ассоциируется у меня с тающим зачерневшим снегом повсюду; сыростью, и этими висящими чуть выше асфальта плитами снега, на которые я так любил прыгать и топтать. Естественно, когда был в других городах весной. В нашем городе это не считается. Ведь здесь погода мне всегда напоминала осень. Честно сказать, у меня не было какого-то особого художественного взгляда на красоты природы. Я просто никогда не видел этого. Как бы это так понятнее объяснить... Вот возьмем читающего человека! Он любит читать и часто это делает. И я вижу два варианта читающего человека. Первый – человек, который восхищается красотой описаний, подобранных слов и различных цитат. Который видит красоту исключительно в буквах и красивых словах. А есть второй вариант человека, который видит красоту именно в том, что происходит в книге. В действиях, мотивах персонажей, концепции. Вот именно я такой человек – второй. Меня не волновало то, что находилось на поверхности и снаружи природы. Меня завлекало то, что было внутри неё. Причем, что самое забавное, я не имел ни малейшего понятия, что находится внутри природы. Смотря на природу

окружающую нас, я видел не леса и моря, я видел природу души... Природу человека. То бишь, я смотрел в глубь самого себя, своей природы, своего внутреннего мира.

Чаще всего это случилось в очень сильной степени именно между переходами различных времён года. Когда таял снег, и я видел эти очертания будущего лета. Когда лето превращалось в прохладную и сырую осень, когда на голый асфальт падает град снежинок, и он превращается в сугробы и такую одновременно холодную и в то же время тёплую зиму. В эти времена я начинаю ностальгировать. Эти времена навевают воспоминания. К сожалению, чаще всего грустные. Редко я вспоминаю что-либо из своего прошлого и без грусти. Что-то хорошее и доброе – грусть по тем прекрасным мгновениям. Что-то постыдное и неприятное – грусть, что всё вышло именно так. Что-то печальное или злобное – грусть, что это произошло в принципе. Именно в такой период до меня вдруг дошло, что именно со мной происходит в данный момент.

Я более чем уверен, что когда я стал описывать свои похождения на дому, читающему этот дневник человеку, то он определенно почувствовал какое-то отвращение или же непонимание, ибо, как мне кажется, для него это бы граничило с чем-то безумным или ненормальным. И, скорее всего, у этого человека в голове возник вопрос: “для чего я всё это так долго и мучительно описывал?”. Я отвечу на этот вопрос. Всё для того, чтобы впоследствии, когда ты будешь читать о

том, что я выяснил о себе, то у тебя не возникало никаких вопросов, и эта теория была бы максимально ясна. Даже на самом деле не помню, когда именно это началось. Но точно помню примерно историю, когда это еще зарождалось во мне. Тогда это было намного в меньшей степени, чем сейчас, но всё же. Когда я заводил знакомство с другими людьми, тогда это еще случалось... (об этом позже). В общем, когда я заводил знакомства с каким-либо приятным мне человеком и наша беседа была бы действительно доброй, то я больше всего боялся, что я поступлю как-то не так, скажу что-то не то или сделаю что не то, из-за чего этот друг тут же меня возненавидит или отдалиться от меня. Эх, вот бы всё так и было... Ну, короче. Впоследствии это переросло в большую степень. Степень, которую я теперь никак не могу остановить или пресечь. Когда я провожу приятно общение с кем-либо мне дорогим, то в моей голове возникают страшные мысли. Мысли о том, как бы что-то внезапно сделать плохого этому человеку. Смоделируем ситуацию. Даже нет, не так. То, что я сейчас буду рассказывать действительно было. Когда я впервые только познакомился с новым другом, то первое время у меня возникало в голове то, что я описывал несколькими строчками ранее. Но когда мы разобщались и наше общение дошло апогея, то в голове стали появляться клочки различных пугающих меня ситуаций, которые могли произойти, и какая бы у него была реакция на это. Например, он сидит справа от меня. Мы шутим, общаемся и вдруг

я смотрю на него, и представляю как в это же мгновение я ударяю его в висок. Как сильно изменится его настроение в эту секунду? Как сильно он взбесится или посмотрит на меня в этот момент? Представляя это ситуацию у себя в голове, у меня тут же возникает резкое отвращение и испуг за свои мысли. Я резко начинаю мотать головой, чтобы отвергнуть эту мысль и выбросить её куда подальше из своей головы. Возможно, я привел не совсем те примеры. Нужно будет не забыть зачеркнуть эти строчки на случай, если это не случится... Хотя какая разница! Если это не случится, то я избавлюсь от этого дневника. Мне не близки меры известных писателей, которые бы просто сожгли свое творение. Я б его порвал без лишнего шума, да и выкинул пока никто не видит.

Извиняюсь, задумался. Итак, нам нужны примеры лучше. Потому что если я действительно совершу это, то нужны показательные примеры – насколько сейчас в плачевной ситуации я нахожусь. Все, кто окружают меня: животные, родители, друзья, близкие, родственники, знакомые. Всех их я по своему люблю и никогда бы не причинил им вреда. Но часто случается такое, что я думаю о чём-то хуже, чем просто ударить кого-то. Иногда, в последнее время все чаще и чаще, я думаю о том, как бы создать себе или кому-то еще конкретный вред. Очень не хочу уточнять и называть имена, но вот лежит какой-то человек, я к нему хорошо отношусь и не хотел бы, чтобы с ним что-нибудь случилось. Но вот он ле-

жит прямо передо мной, а я стою над ним. И вдруг в голову представляется ситуация, как я встаю ему на голову, со всей силы разmozжив её. Меня пугает эта мысль! Я никогда не хотел бы причинять другим окружающим меня людям вред! Я молюсь каждый день, чтобы ничего подобного не случилось. И я боюсь, что однажды дойдет до того, что мои страхи совершаться. Конечно, к близким или своим животным я бы никогда не притронулся. Уж слишком крепкую защиту я выстроил в себе перед ними, чтобы не позволить самому причинить им вред.

Бывают и другие уникальные случаи. Ситуации с ножами, лежащими не на своём месте. Бывает, проходя по кухни, видя на столе лежащий нож, я тут же его убирал на место. Причин этому две и ни одна не относиться к самоохране. Во-первых, я боялся, что кто-то из животных запрыгнет на стол или нож свалиться на кого-то или же кому-то на ногу, но уже людям. Вторая причина – это очередные внезапные мысли в моей голове и визуализация их в голове. Как-то раз подойдя к ножу, в голове резко возникла сценка, как я протыкаю себя насквозь им. И ладно еще тот факт, что я просто протыкаю им себя. В этом нет ничего пугающего меня. Думаю, у каждого хоть раз в жизни возникала ни с того ни с сего простая мысль о суициде. Правда ведь? Возможно только у меня. Но так или иначе, как представляю, как заходят родители в комнату и видят там меня, все такие радостные после хорошего и доброго дня вместе, меня – лежачего в море крови, то тут

же мне становится горько и жалобно на душе. Никогда бы не хотел видеть, как они плачут. Ну с этим еще все в порядке, я бы никогда себя не убил. У меня слишком категоричное мнение по этому поводу. Суицидальные наклонности у психически больных людей это нормально, но вот когда вполне себе здоровый человек, вдруг просто отчаявшись в своей жизни, или как они еще любят говорить типа “я потерял всё!”, или как еще иногда говорят люди, оправдывающие их: “у них просто не оставалось выбора!”, боюсь, что мне такая мысль совсем не близка. Выбор есть всегда и даже если дорога только одна, то какая бы она не была плохой и не ровной, то она однажды приведет тебя, как минимум к терпимой. Во внимание я могу принять только лишь такие случаи, как были у актера Робина Уильямса. Вот там действительно безвыходный случай, когда ты ничего не можешь просто поделать. Ты уже фактически мертв, но физически просто еще не успел. А что по поводу суицидников... То я считаю, что тот, кто убивает себя просто потому, что его сломали обстоятельства – тот слабак. И я много раз уже видел оправдания этим людям, мол, когда дойдешь до этого, то узнаешь. Но для меня это твердая позиция. Тот, кто убивает себя – тот сдался.

А теперь, как итог. Для чего я всё это время столь подробно описывал своё состояние в ту или иную минуту жизни. Я продемонстрировал тот факт, что я никогда и никого бы не убил, не причинил бы вред. Да что уж тут говорить,

мне мерзко вообще любое насилие! В общем-то, как и кровь. При виде неё или какой-либо расчленёнки, меня тут же в дрожь бросает. Но при этом при всём моем добром отношении ко всему – в голове такие мысли... Здесь не нужно быть терапевтом или психологом, чтобы понять, что это очевидно мысли нездорового человека. Я не в порядке, и я давно уже знаю это и принял во внимание. Ранее, я совсем не обращал на это внимание, думал, что это просто моё бурное воображение. Но когда это достигло какого-то безумия, то я резко сконцентрировался на этом. Мне стало страшно за окружающих. И теперь я должен сообщить то, чего я так боялся называть вслух или записывать куда-либо. Я боюсь, что настанет момент, когда я не выдержу и **убью**. Понятия не имею кого, зачем, почему. У меня нет мотива, также, как и не было мотива думать о чём-то плохом или убивающем по отношению к моим близким, друзьям... Но по итогу эти мысли пророскочили! И что самое главное, они затаились во мне. Всё, что я перечислил называется навязчивыми мыслями или идеями. Я без конца мою руки, страдаю какой-то хренью дома без конца, и просто не могу без этого, а также в голове возникают безумные визуализации этих идей по отношению к дорогим мне людям. Я боюсь, что именно эта срань внутри меня приведет к необратимым последствиям. И для этого я и веду этот дневник. Наблюдать за тем, как дальше будет развиваться моя психика. Благо сейчас моё состояние довольно стабильное, и у меня нет ни желания, ни навязчивой мысли

кого-либо убить.

Сегодняшний день не выдался чем-то особенным, и я решил его выделить для рассказа гнетущей меня болезни. Утро я буду выделять каждый раз, потому что я пытаюсь оценить то, как сильно отличается мой образ между промежутками. Но на самом деле, по поводу сегодняшнего дня мне больше нечего писать. Посмотрим, что произойдет завтра.

День 3

16 марта 2016 года

И в очередной раз прежде, чем начать рассказ сегодняшнего дня, я должен сделать отступление, а уже только потом рассказывать, как прошла **неделя**. После того момента, как я написал второй день в дневнике, меня посетила мысль, а что, если я буду расписывать его не каждый день, а каждую неделю. Мне показалось, что если я буду расписывать его каждый день, то очень много информации для следователей и полицейских будет утеряно. Да и, как правило, каждый день у любого человека – это рутинная, повторение одних и тех же действий, за исключениями некоторых особенностей, которые я как раз-таки и буду выделять за всю неделю. Я подумал, что будет намного практичнее если я просто буду перечислять основные события за эти недели. И если случится действительно что-то **важное**, то я специально черкну еще один день в дневнике, специально выделяя его именно для одного дня, а не недели. Но, так как за эту неделю такого дня не было, то я выделю то, что слегка поразило меня.

Начнём как обычно. Я встал, мне вновь нужно было собираться в школу. Умывшись, я вновь посмотрел на себя. Что-то определённо изменилось. Губы стали более сухими и невыразительными, под глазами мешки и синяки становились больше. Это больше всего связано с тем, что в послед-

нее время мне плохо спиться. Я слишком много думаю. Такая проблема меня настигает абсолютно везде. Именно поэтому я совершенно не понимаю математику. Все эти формулы, тригонометрические окружности, логарифмы, производные и прочее говно. Зачем это вообще нужно? Ведь в нашей жизни фактически все этих формул и окружностей не существует! В таком случае зачем их учить, как это всё может пригодиться в моей жизни? Неужели, когда мне нужно будет быстро сосчитать деньги у кассы, я начну чертить эту окружность на полу? Нет. Поэтому мне и не понятен этот предмет. Мне нужны объяснения. Еще и эти сраные исключения в формулах. Типа, ну вот есть же прописанные формулы! Почему в каких-то решениях эта формула задействуется так, а в других по-другому?! Почему если у меня другой склад ума, то я обязательно должен сдавать этот предмет на государственном экзамене? Возможно, не будь у меня проблем со здоровьем, то я бы стал кем-то успешным, но нет! Один предмет может загубить всё. Абсолютно всё.

Я снова отошёл от темы, да? Возвращаемся к моей излишней задумчивости. Когда я засыпаю, то обычно я начинаю очень много думать о жизни. И я понимаю, что пора переставать думать и просто уже закрыть глаза и мимолётно уснуть. И как обычно засыпает какой-либо другой человек: он просто настолько устаёт, что никакие мысли ему уже не лезут в голову, ну, или по крайней мере он просто не думает о том, что он сейчас засыпает, а потому, когда он просыпается

на утро, то он уже и не помнит с какой точки заснул. А теперь, возвращаемся в мою ситуацию. Я весь уставший, крайне сильно хочу спать, но из-за того, что я всё время думаю о том, как я засыпаю, то я просто не могу мимолётно для себя проникнуть в сон! Поэтому, обычно мне приходится ворочаться так до двух часов. Не знаю, с чем это связано, просто с моими скелетами в шкафу или из-за навязчивых мыслей, но всё происходит именно так. Кстати, о моих проблемах со сном. Еще одной причиной почему я плохо сплю – являются молитвы. Как я уже писал, мне очень страшно за окружающих, да и за самого себя, если писать по-честному, тоже. А потому, каждый раз перед сном я молюсь. И молюсь точно также, как и просто наливаю себе воду. Не должно быть числа 4. Должно соблюдаться число 3 или более. Если в разных аспектах я молюсь, и мои просьбы останавливаются на числе четыре, то я намеренно или специально ошибаюсь и начинаю читать молитву вновь, чтобы образовалось число 5, а не 4. Также я молюсь с очень точным произношением и перекрещением. Если я делаю что-то неправильно, например тремя пальцами попал мимо лба по середине, то я начинаю перекрещиваться или читать молитву заново. Если я где-то запнулся посреди молитвы или забыл что-то упомянуть, то я не поправляю себя и продолжаю дальше, а начинаю всю молитву заново. Всё потому что мне страшно за моих родственников, и я специально делаю всё это, потому что хочу, чтобы у них и у меня всё было хорошо.

Какие еще изменения на лице меня коснулись? Я вдруг заметил, что на моем лице стала чуть больше выпирать надбровная дуга. Не знаю почему я каждый раз это отмечаю, но в какой-то степени меня это начинает волновать. На свои глаза в этот раз я не стал смотреть (об этом позже). Всё что происходило далее до похода в школу ничем не отличается от того, что я описывал неделю назад. Ничего нового в список моих действий не добавлялось, но и ничего не убавлялось. В общем, всё было, как и прежде.

Единственное, что можно выделить в моём походе в школу – это прослушка музыки. Взгляд на музыку моей души ничем не отличается от взгляда на природу или же книгу. Я не слышу слова, чаще я слушаю музыку на иностранном языке, и понятия не имею о чём там поют. Но эта музыка наполняет меня, заряжает каким-то определённым настроением, заставляет мыслить и видеть перед собой картины, образы и ситуации, которые мне приятны или заставляют эмоционально двигаться по этой жизни. Рисунки, которые бы я с удовольствием воплотил в жизнь. Но стандартный порядок музыки мне уже надоел, поэтому чаще всего я нажимаю перемешать. С этим есть еще одна история, связанная с моими навязчивыми идеями. Во-первых, у меня нет какого-то особенного предпочтения или любимой грубы. В одном списке музыки может находиться и Бетховен и рядом какая-нибудь Риханна. Хотя это, наверное, никак не связано с навязчивыми идеями... Так вот, когда я нажимаю кнопку переме-

шать, то повторяются всё те же обряды с водой, но уже с телефоном. Я нажимаю кнопку перемешать по три раза, но чаще всего делаю это девять раз. Так как я боюсь, что я нечаянно нажал не три раза, а четыре, так как делаю это быстро, а потому, я нажимаю еще несколько раз, но, чтобы цифра три сохранилась. Поэтому под конец выходит число нажатий девять. В остальном, ничего не обычного до школы не было, но вот после...

Выйдя из школы, я не стал вновь надевать наушники. Уши уже болели от холода с надетыми наушниками. Я просто пошёл из школы до дома. Погода сегодня была такой, какую я обычно люблю. Солнца не было, небо серое. Слегка поддувает ветерок и вообще, погода такая будто скоро пойдет дождь. И тут вдруг я задумался. Я стал думать об уже прошедшем учебном дне, что стряслось на одном из уроков. Вообще, в дождь мне думается намного лучше. Я люблю дождь, но сейчас его не было. И это не помешало сильно задуматься о ситуации на одном из уроков. Тогда мы встретились с другом детства. Мы знаем друг друга еще с садика, и я считаю его своим лучшим другом. Друзей у меня за последние года 4-5 стало мало. Я бы даже сказал, **намного меньше, чем было**. В детстве у меня было много друзей подхалимов и подлиз. Всё потому что я из богатой семьи, и в детстве у меня была неплохая коллекция приставок, за что я безусловно благодарен родителям. Но на друзьях это сыграло злую шутку. Тогда я плохо разбирался в людях, да и сейчас, скорее всего, тоже.

Но на удивление их скапливалось довольно много, но при этом если не шло речи о приставке или о каких-либо играх, то они тут же сливались. Вдруг у них появлялось много планов, или же они были очень заняты. Со временем общение со всеми этими людьми угасало. И не то, чтобы из-за этого у меня случилась какая-то душевная травма, но всё же было довольно неприятно, когда до меня это дошло. После этого в разговорах с этими людьми я совсем не могу найти о чём сказать, меня переполняет мысль о том, что делали эти люди в прошлом. Скорее всего, они уже обо всём забыли, но я всё хорошо помню. У меня память хорошая, и не всегда мне это играет на руку. Именно так я перестал заводить новых друзей за очень редкими исключениями. Так их становится всё меньше и меньше и, в основном, говорю я уже с теми, кому доверяю больше всего.

Так мы и встретились с ним. Судьба сильно разделила нас, ведь он теперь учиться в другом классе. Мы встречаемся редко, либо на переменках, либо на некоторых уроках. До меня доходили слухи, что от него, что от кого-либо еще, а иногда и я сам это замечал, что у него появился новый друг, с которым он хорошо общался. Чем чаще мы встречались с ним, тем больше я замечал, как всё сильнее и сильнее он отдаляется от меня. Меня сильно гложит эта мысль, и я, анализируя, пытаюсь понять, что же именно я должен сделать, чтобы этого не случилось. Не так важно, что именно я придумал, сколько то, что произошло на уроке. Мы много об-

суждали различные новости, да и просто вели довольно интересный разговор. Но на что я обратил внимание именно тогда, когда просто проходил по улице – это то, как именно вёл я себя во время разговора. Как это бывает у обычных людей: они общаются и смотрят в упор друг на друга. Или же если они сидят по бокам за одной партой, то разворачиваются друг к другу и пересекаются взглядами. Но я заметил, что я непрерывно смотрел либо только на парту, либо на него, но куда-то вообще в сторону. Мне было как-то стремно смотреть ему в глаза. При этом мне нечего было скрывать перед ним, как это обычно работает, когда человек о чём-то врет и намеренно пытается отвести взгляд. Он ни в чём не провинился передо мной, и я ни в чём не провинился перед ним. Но всё равно я всегда убирал взгляд. И не от его лица! А от его глаз! Не поймите неправильно, мне нравятся женщины, а не мужчины. Вся эта новая пропаганда мне, откровенно говоря, противна, когда я представляю её на себе (вспоминаем, как передо мной появляется визуализация этого из-за навязчивых мыслей), то мне становится противно и мерзко. Так вот, я вдруг вспомнил свои разговоры с мамой. Иногда, когда я вёл себя слишком плохо, она устраивала со мной серьёзные разговоры. Во время которых просила меня сесть перед ней, напротив. Я же отворачивался и смотрел куда-нибудь в пол. При мысли, что я, вот так вот не отводя взгляда в упор от чужого, по мне пробежала какая-то дрожь и неприязнь. Но ранее я не выделял столько внимание на этом, мне

казалось, что это обычное дело для каждого. Но смотря различные интервью, фильмы, или еще что-то в таком духе, где существуют диалоги, то я диву даюсь, как люди могут столь долго сидеть напротив друг друга и пялиться друг другу в глаза. И при этом не получить ни капли стеснения, или же какого-то стыда, или неприятных ощущений! Я представляю себя на этом месте, как я глупо выгляжу, когда смотрю на него или на кого-либо еще в таком положении, и мне просто на просто становится противно!

Причём мне показалось, что в этом нет ничего такого, и на следующий день всё будет нормально, но нет. На протяжении всей недели я замечал это в общении с другим людьми. Более того, я стараюсь не смотреть даже себе в глаза в зеркало. Обычно я провожу тщательный анализ своих изменений в зеркале, но на глаза я более не смотрю. Я старался специально отогнать эту муть, во время разговоров с друзьями направлять на них взгляд. Но в эту же секунду на меня находило какое-то давление со всех сторон, лоб сдавливало, по коже проходил холодок, а глаза будто мучались. Я тут же отворачивал взгляд. И ладно бы это началось не так давно, но нет. Я вдруг резко понял, что это происходит уже довольно давно. Когда я садился напротив кого-то, то я отворачивался в сторону и так общался. Когда меня просили посмотреть на кого-то, например, как кто-нибудь скорчит какую-нибудь рожицу, то я смотрел примерно на уровне подбородка. Когда кто-то приходит и начинает со мной говорить и бдительно

смотрит на меня, то я либо смотрю в сторону, либо тут же стараюсь отвернуться и уйти от разговора. Будто бы в моей жизни мне совсем не интересно то, как будет смотреть на меня оппонент или же то, как он будет реагировать на всё. Меня не интересуется лицо совсем. Я просто говорю с ним, занимаясь своими делами. Словно я... ослеп?

В любом случае за эту неделю всё. Я продолжу наблюдать за собой и своими действиями, и поступками. Посмотрим, что произойдёт дальше. Надеюсь, всё будет хорошо.

День 4

23 марта 2016 года

Вероятно, это прозвучит странно в купе того, что я описывал до этого. Но я влюбился... Даже не знаю, что и сказать. Справедливости ради, почувствовал я это еще, можно сказать, как месяц назад. Когда она просто ходила где-то, а я бесконечно наблюдал за ней. Причём, вот что я заметил. Когда люди не смотрят на меня или мне в глаза, то я без проблем могу смотреть в их. Но когда взгляд направлен точно в моё око, то меня постигает паника, и я тут же отвожу взгляд. Так вот. Это происходило уже на протяжении месяца. Я просто наблюдаю за ней с любой части класса, словно маньяк. Не знаю, знает ли она, что я её вижу, но я не хотел бы показать ей тот факт, что я её люблю. И этому есть причины, но о них позже.

Мой страх взглядов распространяется по мне сильнее, чем я думал. Теперь я совсем не смотрю себе в глаза в зеркале. Я вообще никому не смотрю в глаза, даже когда они на меня не смотрят. Ранее еще могло быть, что я случайно задумаюсь во время разговора и засмотрюсь кому-то в глаза, но сейчас даже такого не происходит. Я пытаюсь себя пересиливать и попытаться хоть пару секундочек посмотреть кому-то в глаза, но у меня не получается. Меня тут же будто ядом обливает, и я сразу же отворачиваю свой взор. По

поводу взглядов и их пересечений я также чуть позже поговорю, сейчас меня волнует слегка другая тема. Тема глаз как таковых, и какие доставляют мне больше всего душевных переживаний. Я не могу до конца определиться с чем связано это чувство, и на что оно похоже, но я чувствую что-то похоже на один из этих вариантов: либо я чувствую, как чужие глаза могут счесть по моим очам все мои мысли, грехи и опасения. Либо же я боюсь чужих глаз именно из-за того, что я вижу в них истинную сущность человека. Но в последствии я пришёл ко мнению, что я уселся сразу на двух стульях и придерживаюсь двух позиций. Ведь чей-то глаз... это словно бездонный океан! Вот, вам ведь страшно, когда вы плаваете в реке и не знаете, что там под вами? Но даже если бы вы узнали, что под вами плавает акула, вам бы стало от этого легче? Нет. Также и мне. Что-то подобное чувствую я, когда смотрю на него, когда смотрю в глубь его! Словно смотрю в чью-то душу, а он смотрит в мою, пускай сам этого и не понимает. И словно внутри этой цветовой палитры, скрещённой с необъятной нитью струн, расплетающейся в разные стороны, скрыта какая-то тайна – тайна человека или личности, но я не могу её видеть. Мне страшно. Я не должен туда смотреть.

Для себя я выяснил, что самый пугающий цвет глаз для меня – зелёный. Коричневый в этом плане самый обычный. Более яркий коричневый цвет вызывает совершенно нейтральные эмоции, но тёмный в каком-то смысле вблизи на-

векает скуку и более ничего, но вот издали он кажется уже более интересным. Что-то есть демоническое в этом. Ведь, издали люди с карими глазами тёмного оттенка выглядят так, словно цвет глаз у них чёрный. В их глаза уже можно более спокойно смотреть, словно та чёрная точка по середине заполнила весь глаз, и более он ничего не скрывает, словно я более не читаю людей с этим цветом глаза, и всё хорошо. Но я чувствую, что моя болезнь нарастает до такой степени, что скоро я уже перестану смотреть и на карий цвет глаз. Я стал замечать, как и от этих людей намеренной скрываю свой взгляд, чего-то боясь, очевидно всё тех же чувств, что и с другими глазами. Голубые глаза более спокойные, но именно в них уже начинает чувствоваться та заманчивая аура. Аура, что тебя накрывает с головой и словно передаётся внутрь тебя, пока ты смотришь в них. А я человек замкнутый и закрытый и не очень хочу, что передавать информацию свою, что получать чужую в себя. Словно в них чувствуется какая-то загадка или мистика, сила, которую постичь бы я никогда не смог. И это меня тоже пугает. Но вот зелёный... Я этот цвет одновременно и ненавижу! И одновременно обожаю... Более бледный оттенок этого цвета глаз ассоциируется у меня с каким-то безумием, тем, что никак не удержать. В такой оттенок мне особенно страшно смотреть. Более же яркий и отчётливо яркий оттенок у меня вызывает... А что он может вызывать? Пожалуй, сыграю в ассоциации в очередной раз. Представьте, что вас что-то тянет на дно, а вы в этот момент

плаваете в какой-нибудь реке или море... Нет! Вы плаваете в океане. И вы тонете и при этом ничего с этим не можете поделать. Даже так, вы не хотите ничего с этим делать. Вы просто тоните и видите уже насколько вы глубоко потонули, что сейчас вот-вот и умрете. Именно это я испытываю, когда смотрю на такой оттенок зелёного глаза. Мне также страшно на него долго смотреть, но если я буду на него смотреть и не отрывать взгляд, буквально забыв о своём страхе, то скорее всего я бы утонул в таких глазах. Да и я не был бы против.

Именно такой цвет глаз был у человека, в которого я влюбился. Кажется, я забыл её описать. Девушка лет 16, коричневые волосы, ярко-зелёный цвет глаз, томный взгляд. Когда я описывал в прошлый день о зародившейся во мне проблеме, а именно, о проблеме зрения, то я вдруг вспомнил все моменты из жизни в детстве, а если быть точнее, то все мои любовные потуги с другими людьми. У меня всегда была одна единственная проблема – смотреть девушкам в глаза, в которых я был влюблён. Я не обратил на неё внимание во время моего рассказа про боязнь смотреть людям в глаза не сколько потому что забыл, а столько потому что ранее я боялся смотреть им в глаза с более ясной и адекватной позицией. Мне казалось, что моё лицо – это что-то некрасивое и страшное. Но самое главное, возможно это прозвучит глупо, но ведь я был ещё совсем дитём – я боялся, что я покраснею, смотря на неё. Так было с первой. Со второй причина изменилась и была уже более похожа на ту, что есть сейчас.

Я боялся, что мною возлюбленная сможет увидеть по моему взгляду, что я в неё влюблён. Что было с третьей я и не очень-то хочу рассказывать. Я знал, как мне проблематично смотреть девушкам, которых я люблю, в глаза, а поэтому я, просто специально убивая все нервные окончания в себе, тарасился на неё как безумный. Ничего не поменялось и с очередным человеком, в которого я влюбился. Иногда, когда мы общаемся между друзьями, и она стоит рядом, то я стараюсь направить свой взгляд на неё, но выходит так, что я либо говорю что-то мимолётно и тут же отворачиваю от неё взгляд, либо же я просто на пару секунд посмотрю случайно жутко на неё исподлобья. Это одна из причин почему я, скорее всего, никогда не раскрою перед ней тот факт, что я её люблю. Я не раз говорил, что я совершенно не могу показывать или чувствовать любовь и все вот эти вот обряды, типа поцелуев, объятий и прочего. Я просто не хочу досаждать ей своей любовью. Не хочу оказаться для неё кем-то отвратительным или какой-то обузой. Да и даже если бы ответ ко мне был положительный. Я бы просто испортил её жизнь и психику, вытряс бы из неё всю любовь к жизни. Учитывая, каков я сам по себе, и что меня ждет уже в близком будущем. Я чувствую это... Именно поэтому я навсегда закрыл перед ней свои чувства в замок немой любви к ней.

Ладно, пожалуй... Извиняюсь за столь долгое вступление сегодняшнего дня. Просто мне кажется, что этот небольшой отрывок как-то сказывается на том, что сейчас со мной про-

исходит. В общем, по списку. Я проснулся и отправился на водные процедуры. Из того, что я увидел о себе в зеркале, могу лишь отметить, что надбровная дуга кажется всё больше и больше увеличивается и выпирает. В остальном вроде как всё также. На секунду мой взор перешел к моим глазам, но я тут же увильнул в другую сторону свой взгляд. Возможно, мне и померещилось, но ощущение такое, будто мои серые глаза бледнеют. За эту неделю произошёл случай. Случай в некотором смысле удивительный, и крайне сильно напрягающий меня. Перед сном я уже выключил весь свет и собирался ложиться спать, как вдруг мне понадобилась одна вещь. В полной темноте, совершенно ничего не видя, я встал, спокойно прошёл через всю мебель в комнате, подобрал эту вещь, и также преспокойно вернулся на кровать и стал засыпать. И только под утро я обратил на это внимание. У меня есть предположение, что я всё вижу и без своих глаз. Словно слепой, но при этом который всё видит.

Остальное вы уже знаете. “Вы” использую так, как если бы я сказал читающему этот дневник человеку “ты”, то звучало бы так, словно я его знаю, а мне как-то неприятно от этой мысли. Итак, вышел я, значит, на улицу и пошёл до школы. Вчера ночью шёл обильный дождь. Весь асфальт и деревья всё еще отходили от него. На улице было уже даже больше, чем просто прохладно, везде было мокро и сыро. Мне нравится. Именно в эту погоду мне больше всего хотелось подумать. Подумать, что со мной не так! Почему всё это проис-

ходит со мной и откуда это взялось.

Для себя я стал выстраивать логическую цепочку. Некую сюжетную линию, от чего всё начиналось, и до какого момента всё это дошло. Самому мне никогда не понять, когда всё это началось, но по моим предположениям страх смотреть людям в глаза образовался во мне еще раньше, чем навязчивые мысли и идеи. Началось всё тогда с третьего или четвертого класса, когда я был влюблён в одну девушку. Именно тогда, точнее, после этого во мне образовался особенный страх смотреть кому-либо в глаза. Она мне очень нравилась и была первой в моей жизни, в кого я влюбился. Как и сейчас, тогда я всеми силами пытался скрывать, что влюблён в неё, но при этом, просто не мог оторвать глаз от неё и всегда пялился на неё на уроках. Но когда она говорила со мной, проходила мимо меня или ещё что-либо связанное с ней, то я просто не мог смотреть ей в глаза. Тогда я был жизнерадостный и задорный мальчик, нето, что сейчас. Сейчас я закрыт ото всех, да и по-честному не очень-то и хочу кому-либо открываться. Возможно, я перестарался и вулкан внутри меня слишком долго извергался, и я очень долго не признавался ей в любви. Я очень боялся, что останусь без ответной реакции. И когда я ей сказал, то я был разочарован. Разочарован в ней, в этом мире, в самом себе, что я позволил себе быть таким глупцом. Я омрачился и подходил ко всему более осторожно.

За это время происходили еще несколько вещей, которые

больше всего повлияли на мой страх. Всё что я писал до этого, было лишь подводкой к тому, почему я действительно стал бояться смотреть людям в глаза. Первое, я очень часто любил издеваться над людьми. В детстве многие дети особенно глупы и жестоки. Мы совершаем безнравственные поступки с разными окружающими нас людьми: добрыми или злыми, верными или предателями, мыслителями или глупцами. Перед ними всеми, особенно глупые и возбуждённые умы вроде меня, совершали такие бескорыстные поступки. Чаще всего мы издевались именно над одноклассниками. Каждый из этих поступков я отчетливо помню. И каждый из них доставляет мне муки: ночью перед сном, когда я ем, да и просто в любое время, когда я об этом внезапно вспоминаю.

Я даже решил назвать для себя этот отрывок жизни бумерангом. “Бумеранг”. Начнём с ближних мне тогда людей. Мальчиков, друзей, приятелей, врагов, одноклассников и прочее. Мы очень часто дрались, доводили людей до слёз, ругались и унижали кого-либо при всех. Я не был исключением, но для меня самого это не является чем-то большим, просто отрывок из жизни, который никак на меня не сказался. Ну унизили меня или обидели, что в этом такого? Лжец. Так я говорю о себе, вспоминая промежуток времени примерно с 2 по 5 класс. Я очень много врал. Врал всему и каждому, словно это какая-то новая необычная способность, которая открылась мне только сейчас, и я никак не могу на довольствоваться на пользоваться ею. Тогда я часто прогули-

вал уроки и врал своим друзьям, что болею. Врал, что у меня что-то есть, лишь бы показаться лучше или приблизиться к ним. В общем, врал постоянно. За это я корю сейчас себя перед ними. Со враньём связанна одна важная вещь. У нас был богатый одноклассник, который даже был мне другом. И главное, и я был не из плохой семьи, как я говорил до этого. Но жажда получить что-то новое мучила меня. Я стал воровать у него деньги. Первая попытка удалась и возбудила во мне страсть к воровству настолько сильную, что я делал это снова и снова, и снова. Он так и не узнал об этом. Я никому об этом так и не сказал. Это также терзает меня. Мне стало стыдно смотреть любому человеку в глаза. Будто они смогут узнать, кто я на самом деле такой есть. Будто я больше не заслуживаю смотреть людям в глаза.

В моей жизни был еще один этап, когда я издевался над людьми. Это были мои одноклассницы. Тогда я был совсем разбойным. Бегал, сбивал людей с ног, дрался, мог подраться даже с другом, матерился и всё в таком духе. И очень часто я обзывал этих одноклассниц. Писал им всякие гадости и заставлял всяко сорваться. Маленький изверг... Теперь при общении с девушками мне крайне сложно держать себя в руках. Смотреть им в глаза или же спокойно говорить с ними. Словно я теперь перед ними всеми виноват. Перед людьми, друзьями, мужчинами, женщинами. Словно этот бумеранг вернулся ко мне, и теперь я должен почувствовать тоже, что и чувствовали они. Боль.

Что же насчёт навязчивых идей и мыслей, то тут всё намного сложнее. Я понятия не имею, из-за чего они появились, и когда именно они появились, да и вообще, мне кажется, что любая психическая болезнь появляется просто потому, что человек уже родился с этими проблемами. Что независимо от того, как проходит его жизнь, эта зараза всё равно настигнет его, не зависимо от того, хочет он этого или нет. Но всё же у меня есть отрывок из жизни, когда примерно это зародилось во мне. Тогда я влюбился в третий раз. Как и сейчас, я очень сильно боялся испытать к кому-то чувства вновь. Любовь вообще страшная вещь. Это... капкан! Ты влюбился и всё! Ты уже не отвяжешься, тебе придется жить с этим, пока ты не признаешься возлюбленной, либо пока не разлюбишь её. Именно поэтому я называю любовь капканом, потому что разлюбить человека очень сложно. Очень завидую людям, которые способны разлюбить. Ведь у тебя есть только два варианта. Признаться ей и не мучиться от закрытой в себе страсти, а после мучиться от того факта, что тебя отвергли, и все твои мечты и фантазии разрушены, либо не признаваться никогда и мучиться от горького чувства внутри, которое ты не можешь никому ни показать, ни открыть. Как ни крути, придётся мучиться.

Итак. Тогда я влюбился в третью. И мне было очень страшно, что она меня отвергнет. Поэтому я постоянно будто бы шёл на компромиссы с кем-то. Мне не нравится мыть посуду, мыть пол или делать уборку. Когда меня бы кто-то

просил о помощи, то я бы никогда бы ему не помог. Но в тот момент, когда я влюбился, то я бы обязательно помог. В голове постоянно возникали мысли, если я не сделаю этого, то она мне откажет. Например, как-то раз у меня была шуточная ручка, которая била током. Я прекрасно знал об этом, но намеренно снова и снова нажимал на неё. В моей голове появлялась мысль, что если я не нажму на неё в очередной десятый раз, то она откажет мне. Так я совершал различные идиотские и бесполезные поступки, лишь бы сделать кому-то одолжение, даже так, словно делая одолжение судьбе, я совершал все эти действия, иногда даже полезные, лишь бы она меня тоже любила и ответила мне тем же. Были ещё самые разные причины всей этой анархии, что сейчас мельтешила в моей голове, но они настолько мелочные, что я мало в них верю. Типа, как я написал олимпиаду наугад и получил всего один бал, и надо мной смеялся весь класс, и всё прочее в этом же духе. Не думаю, что во мне возникли эти болезни из-за такой мелочёвки.

Уроки прошли как обычно и на них не было ничего особенного. Я направился домой, при этом надев наушники. В наушниках играла песня из одного моего любимого мультика детства. Каждый раз, когда я её слышал, мне становилось очень грустно на душе. Я вспоминал те славные деньки, когда от меня ничего не требовалось. Я был в садике, родители играли со мной и веселились, а я мог просто целыми днями играть или смотреть свои любимы мультики... Ах, как

же хочется обратно в детство. Где любовь и спокойствие, нет ругани, насилия. Есть лишь только добро, только добро, думал я, идя домой и сильно грустя. Со мной такое бывает, от некоторой музыки меня так распирает, что иногда даже до слёз. При этом ничего особенного грустного не происходит, но лейтмотивы песен навивают мне воспоминания, от которых мне хочется плакать. Ведь если всё было как раньше, то было бы намного лучше.

Всю неделю всё было хорошо, кроме одного вечера... В тот вечер мне было особенно плохо. Теперь я действительно опасаясь, что во мне могут произойти опасные изменения. Я решил почитать книги. Я люблю читать книги, но многие вещи могут вывести из себя или сильно отвлечь от чтения. Концентрироваться мне даётся с трудом, поэтому перед чтением нужна сильная концентрация и подготовка. Мне также неприятно и... я даже боюсь, когда мне что-то мешает читать книги, что более у меня не получится это сделать – насладиться сюжетом книги без каких-либо переживаний на душе. И сегодня во время чтения ко мне особенно преслали мои навязчивые идеи. В книге есть любимая закладка, на конце которой натянута объёмное изображение пистолета. В остальном же закладка, на которую был натянут пистолет, представляла из себя скрепку, но толстую, железную и острую. Она хорошо цеплялась за книги, но совершенно не делала ничего хорошего, если засунуть её в одно место. Почему-то в моей голове возникла мысль засунуть боком же-

лезную часть закладки себе в уретру. Мне стало отвратительно от этой мысли, и я тут же помотал головой, чтобы отогнать её. Я продолжил читать, но мне совершенно уже не было понятно, какой именно текст я читаю. Я думал только об одном – об этой мысли и о том, как мне сильно хочется отогнать её из своей головы. Но она лишь усилилась в моём воображении. Я представлял, как эта закладка проникает ко мне в уретру разрывая там всё изнутри, а после, разрезая мой орган на две равные части. Я морщился и противился этой мысли. Целый вечер я не мог сконцентрироваться на книге из-за этой тупой мысли и, казалось бы, я уже почти успокоился, но вдруг в голову пришла идея реально слегка засунуть её себе в уретру, чтобы больше не переживать от этой мысли. Чтобы она пропала из моей головы. Эти мысли меня пугали, но идея плотно засела в моей голове, и так и не дала мне спокойно почитать книгу, понимая её содержания.

Со мной и до этого случалось нечто подобное. Ранее, читая книгу или размышляя о чём-то в руке, например с бумагой, в голове возникала мысль о том, как мне засунуть её за края глаза или просто попытаться ей порезать себе глаз. В основном именно в таком ключе мысль заключалась из-за того, что я часть резал себе пальцы бумагой. Не специально, конечно же, а случайно, например, доставая из портфеля. Но тогда эти мысли не заставляли меня морщиться, точнее, мне безусловно было противно, но такого воздействия, как сейчас, на меня никогда не было. Я бы никогда не стал намерен-

но резать себе глаз бумагой! Но сегодня мной просто овладела мысль, что я должен засунуть себе в уретру острую закладку. Я просто не мог ничего делать, думая только лишь об этом. Я принял отчаянные действия, выбросив свою любимую закладку в мусорку, чтобы у меня никогда не было шанса реализовать свою идею в реальность, я взял совершенно другую закладку. Ни такую острую, более толстую и приятную на ощупь, сделанную из пластика. Я стал читать книгу и вдруг... Снова эта мысль! Но в этот раз она буквально обрушилась на мою голову. Я уже совершенно не соображаю и не контролирую себя. Я стягиваю с себя штаны и открываю головку своего органа, а после слегка засовываю в уретру закладку. Это было не так больно, как я думал, но я тут же прекратил это делать, успокоив свою нервную голову, но совершенно удивившись от того, что я делаю.

Так и кончилась эта неделя. Мне страшно. Я боюсь, что закат моего разума близок. Я делаю отчаянную ставку на следующую неделю, давая себе последний шанс на спасение. Иначе меня ждёт радикальное решение всех моих проблем. А будет оно положительным или отрицательным – вопрос другой.

День 5

26 марта 2016 года

Сегодня со мной случилось... трагичное, нет...ужасное! Мне... Мне довольно плохо. Прямо сейчас. Не буду даже упоминать о том, как плохо мне было пару часов назад. Как ты, мой читатель, и смог заметить, на этот раз прошла не неделя, а всего два дня. Ты правильно мыслишь и видишь, и похрен, что несколько страниц назад в моём дневнике я не хотел говорить с читателем на ты. Но сейчас мне на всё плевать. Я бы даже сказал, сейчас мне на всё насрать! Так мне плохо. Я, сейчас всё размыто перед глазами, и мне совершенно не понятно, что вообще сейчас происходит. Да, всё выглядит так будто я **убил**. Нет. Я никого не убивал. И очень хочу, чтобы этого никогда не произошло, а хотя, какая уже нахрен разница. Мне не выбраться из этого говна, в которое я забрался по уши! Всё-таки я должен описать, что произошло, не поплакаться же я сюда пишу. Хотя и вся половина написанного дневника выглядит действительно так, будто я просто решил здесь только и ныть, а не создал его по делу. И это не так. С прискорбием сообщаю, что возможно скоро вы в этом лишь убедитесь... Точнее ты. С кем я вообще говорю?

По порядку. В этот раз ситуацию в школе я буду сообщать подробнее чем обычно, чтобы ты чувствовал, что именно я испытал после этого урока. Сначала я проснулся. Прежде

чем пойти умываться, я решил осушить стакан воды. Мои предрассудки уже настолько велики, что я совершаю тот обряд при налипании воды уже даже когда просто пью воду! Я отпил три раза воду, но потом сглотнул и засчитал это за четвёртый раз. Из-за этого мне пришлось отпить ещё пару раз, пускай более уже и не лезло. Причём я отпил так много, что когда я попытался проглотить этот напор воды, то мне с силой сжало горло, и от боли я схватился за горло и стал ходить так по квартире, пока боль не утихла. После неудачной попытки попить, я направился в ванную, чтобы пройти всё привычные мне утренние процедуры.

Когда я зашёл в ванную, то я уже даже не стал рассматривать толком своё лицо. Единственное, я вновь нечаянно заглянул к себе в глаза и ужаснулся. Передо мной был звериный взгляд убийцы, а не простого человека. Не знаю, как бы это описать. Цвет в зрачках будто совсем опустел, надбровная дуга упала на глаза сверху, из-за чего мой взгляд был полон ненависти и какой-то убийственной ауры. Я не знал, что и сказать. За две недели я так сильно преобразился. Небрежность и чёрные мешки под глазами лишь усугубляли ситуацию. Я совсем отвернулся от зеркала и стал чистить зубы. Далее всё было как прежде. Стоит лишь упомянуть, как я пошёл вновь отпить воды, но передо мной снова и снова возникал тот ужасающий взгляд со светящимися бледно-серыми глазами. Я хотел бы посмотреть ещё раз, но именно сейчас мне было особенно страшно это делать. От волнения я

вновь отхлебнул слишком много, и боль была уже в сто раз сильнее, что я аж вскрикнул от боли.

Далее всё шло уже по прописанному пути, пока я не попал в школу и не пошёл на урок литературы. Как бы это так сказать... У нас планировалось что-то типа акции или специально отделённого урока для одноклассницы из театра, она собиралась показывать мастер-класс по подготовке перед выступлением, ну и в актёрском плане в том числе. Весь класс собрался. Я был абсолютно спокоен и не ожидал, что что-то пойдёт не так. Безусловно, мне казалось, что возможно будет немного стыдно. Когда я в последний раз был на пробах в школьном театре, то мы там, откровенно говоря, занимались какой-то фигнёй, там... перемещали язык в полости рта по кругу или обнимали друг друга и прочая фигня. Мы общались, специально выстроили столы так, чтобы все могли усесться по кругу стола. У нас планировалось сначала чаепитие и уже только потом мастер-класс. Чай я не очень люблю поэтому просить не стал. Да и стаканы, что нашли в классе, были пугающе грязными, и я тут же отказался от какой-либо мысли пить из них чай, благо в этот раз даже ни одной навязчивой мысли не возникло в голове.

Итак, время проходило. Постепенно мы попивали чай, и тут наступил момент, когда одноклассница вскочила и объявила о том, что собирается провести свой мастер-класс. Мы встали и, подобно столу, выстроились в круг. Проходили различные упражнения, типа опять же обнять друг друга, пред-

ставить, что ты держишь в руке невидимый шар и прочее. Но вот и наступает тот момент, из-за которого я буквально был готов умереть на месте. Одноклассница, широко вскинув руки, просит нас о том, чтобы мы встали друг напротив друга. Мне показалось, что в этом нет ничего такого страшного. Я встал напротив одной из своих одноклассниц, справа от неё стала девушка, в которую я был влюблён. Мы стоим напротив друг друга, и я всеми силами стараюсь не смотреть никому в глаза. Просто отвернул свой взгляд куда-то в сторону, при этом опустив голову. Одноклассница начинает описывать в чём заключается суть упражнения, мы внимательно её слушаем, и вдруг меня охватывает шок и паника от её слов. Она сообщает о том, что мы должны на протяжении минуты стоять и смотреть друг другу только в глаза, мол так улучшается связь между партнёрами по театру! Ага, какой совпадение, черт возьми! Ну мы встаём, благо мой партнёр, как оказалось, была столь же слаба в смотре в глаза, что постоянно отворачивала глаза куда-то в сторону, на эту секунду я почувствовал облегчение и поэтому постоянно куда-нибудь да отворачивал взгляд. Она специально приподнимала голову, так как я был в несколько раз выше неё, но по каким-то причинам ей было также тяжело смотреть в мои глаза также, как и мне в её.

И если бы всё на этом кончилось, то грош цена этому упражнению... Но нет. Тут наступил этап, который стал для меня самым настоящим испытанием, а не упражнением. Нам

сказали, что крайние партнёры должны поменяться и повторить это упражнение, но теперь уже три минуты. Ха, думаю я, сейчас девушка, стоящая передо мной, поменяется с правой, и всё будет хорошо. Тут я смотрю направо и понимаю, что мы крайние, что нет никакого права, и нет там вообще никого! Я смотрю налево и вижу, как она, человек, который стал последним в кого я влюбился на данный момент, встанёт напротив меня. Нам еще не объявили старт, поэтому мне удалось на пару секунд прийти в себя. Еще на начале этого испытания у меня было острое желание свалить, спрятаться, уйти из класса или просто сбежать! Но не испытывать судьбу с самим собой и просто жить спокойной жизнью... Но нет, мой глупый и безумный разум в эту секунду отключился, наверное, из-за сильной паники. Я просто стоял в ступоре и ждал смертного приговора. На секунду я решаюсь поднять свой взор на её лицо, чтобы понять, насколько велико будет препятствие в жизни передо мной. Увидев, как она смотрит на меня, я тут же опустил глаза вниз. Единственное, что тогда возникло в моей голове – это то, что я не могу обложаться перед ней. И пускай я и твёрдо для себя решил, что никогда не раскрою перед ней своих чувств, но опозориться перед любимым тебе человеком – все равно, что навсегда вычеркнуть для себя этого человека из жизни, что именно с этого момента, как ты опозоришься перед ним, ты чувствуешь, как все чувства и эмоции умирают внутри тебя, что у тебя больше нет никакого желания жить, что каждый раз, когда

она будет проходить рядом с тобой или существовать рядом с тобой, то ты просто не будешь её видеть, словно её и не существует вовсе.

Итак, одноклассница сообщает о том, что с этой минуты мы стоим и не отрываем друг от друга взгляды. Я резко поднял свой взгляд и понял, что это было ошибкой. Что я не готов и сделал всё слишком резко. Первые минуты я видел её. Я бы хотел более детально рассмотреть её лицо в эту минуту, но я твёрдо для себя решил, что не отверну от глаз взгляда. И пускай до этого дня я сообщал о том, что я был бы готов вечно смотреть на эти глаза и буквально утонуть в них, но точно не в такой обстановке. Я почувствовал сильное давление на виски, мои глаза широко открывались, что черная точка в середине глаза стала настолько маленькой, ведь на заднем плане был в полном объеме открыт глаз, и на фоне белой окружности чёрная точка должна была стать особенно маленькой. Более чем уверен, что в этот момент я выглядел словно безумный. С трудом смотря на неё, я, сильно нахмурив брови и раскрыв глаза до упора, смотрел на неё исподлобья, как психопат. Как будто я смотрел на то, как передо мной кто-то кого-то убил, или только что я узнал самую главную тайну жизни и смерти, в моих глазах сильно выразался страх или же шок. Мне никто об этом не говорил, но я был в этом уверен. Она же смотрела на меня с абсолютным спокойствием, без какой-либо ненависти, с тем же томным взглядом, словно властвуя надо мной. Это всё что я запомнил в

те пару секунд, что я еще видел перед собой. Тогда каждая минута шла, как год. В ушах всё больше и больше усиливался шум, будто ветер со всей силы бьёт тебе по ушам, я пытался держаться. Я давно как уже ничего не видел перед собой, паника внутри меня нарастала, словно я глядел в замыленную пустоту, сквозь которую лишь просвечивались яркие зелёные глаза, от которых я старался не отводить взгляд. И пускай внутри меня будто кто-то нацепил на палочку кишки и всё перевернул там верх дном, пускай я уже слышал отчётливо, как я шепчусь своим внутренним голосом о том, как же сильно мне страшно, пускай я даже чувствовал и слышал, как кровь пульсирует внутри меня, я всё равно продолжал смотреть.

Вдруг резко эта пытка прекратилась. Они уже все развернулись и разошлись в разные стороны. Я продолжал прожигать стену своим взглядом, находясь в полном ступоре. Наконец, я опустил взгляд, громко вздохнул и развернулся. Возможно, глазами других со стороны я выглядел абсолютно спокойным, улыбчивым и смеющимся, но это было совсем не так. Ощущения походили на то, если бы меня сейчас кто-то душил на протяжении трёх минут, а после, когда я уже находился на грани, вдруг отпустил, и я стал цепляться за свою жизнь, набирая дыхания, и возвращая свой старый ритм жизни и циркулирования крови внутри тебя. Мои уши были красными, глазаплыли, а лицо было горячим, будто у меня только что поднялась температура до 39 градусов.

Кровь закипала. Когда я сделал шаг, весь мир пошатнулся. Теперь не я крутился в этом мире, а мир крутился вокруг меня и моих шагов. Если бы я в ту минуту упал, то и весь мир упал вместе со мной. Я сделал шаг – всё пошатнулось, сделал еще, всё снова пошатнулось.

Оказавшись вновь за столом, я пытался вновь прийти в себя. Мои глаза бегали быстрее, чем мчится гоночная машина на каком-нибудь гран-при. Я вглядывался в реакцию, эмоцию и глаза других людей. Каждую секунду я выбирал себе новую жертву, пока не остановился и понял, что с этого момента со мной всё очень плохо. Я опустил взгляд и стал ждать окончания урока. Мне было сложно сконцентрировать внимание на происходящем. Всё, что я видел, будто было издалека, словно я всё еще стою там, смотря на неё, и застрял там навсегда...

Когда урок кончился, мне было чертовски тяжело. Я не соображал от слова совсем. Во мне будто вымерли все чувства, я ничего не чувствовал, ничего не ощущал, никак не реагировал на происходящее. Будто внутри себя я уже утвердительно выбрал какую-то цель на весь оставшийся день, а может на всю оставшуюся жизнь, но при этом сам я не мог понять, что именно я решил сделать. Спокойно и объективно оценивать ситуацию просто не получалось, моя голова была полностью заполнена мыслями, но мыслями не о том, что делать дальше, а мыслями о прошлом. О том, что произошло пару секунд назад. В моей голове будто снова и снова и снова

проигрывался тот эпизод, когда я стоял напротив неё и пытался удержать свой взгляд. Неудачно пытаясь побороть свой страх, я словно потерял какую-либо связь с реальностью.

Но как только я вышел на улицу, то я осознал, что все мои мучения были ещё впереди. Словно кто-то свыше, тот кто руководит моей судьбой или жизнью, пытается дать мне второй шанс, хочет, чтобы я всё-таки смог побороть свои невзгоды, но пройдя через сложное испытание, после которого я либо сломаюсь, либо смогу побороть все невзгоды внутри себя. Сегодня был какой-то городской праздник, а потому очень много народу собралось на улице. Меня это насторожило, не то, чтобы у меня была какая-то особенная боязнь людей, или же я был социопатом, хотя отдалиться от общества совершенно бы не помешало, но я был не из таких, правда, как мне самому казалось. Единственная и главная проблема состояла в том, что у меня после произошедшего инцидента сильно обострились чувства восприятия всего мира. Я отчётливо слышал голоса людей, словно они говорят мне на ухо, словно они озвучиваются не в мире, а именно в моей голове. Меня продолжало шатать и сильно вкручивать изнутри, я чувствовал, что чувство стыда и страха пожирало меня изнутри. Но самое главное, я не мог ни на чём сконцентрировать свой взгляд. Мои глаза бегали в поисках подмоги, но её нигде не было. В моей голове застыла мысль, что я должен без остановки продолжать смотреть на глаза, но только лишь чей-то зрачок видел мой взор, то я тут же

отворачивался и натыкался на другой.

Поняв, что по-другому мне просто домой не добраться, и нужно уже пытаться давать отпор своим страхам, я глубоко вздохнул и стал спускаться по ступенькам у школы. Спустившись, я круто развернулся налево и пошёл до своего дома. Впереди меня шла куча народа на какой-то фестиваль, может сейчас масленица? Мне как-то доводилось слышать о том, что скоро масленица.

Пытался я отвлекать себя любыми способами, проходя мимо многочисленно озирающего на меня люда, но всё было тщетно, единственное на чём я мог сфокусировать внимание – как странно озираются на меня люди... Во мне вновь проснулась паника, я почувствовал, как сильно колотится моё сердце и сколько людей, смотрящих на меня, идут передо мной. И сбежать не получится, и отвернуться толком нельзя, со всех сторон на меня прутся люди, опушу взгляд вниз – обязательно в кого-нибудь врежусь, врежусь – подниму свой взгляд на человека, в которого врежусь – посмотрю ему в глаза. Пережив всё до этого, у меня не было сил больше бороться со своим страхом. Я чувствовал, как во мне всё умирает, и если я сейчас вновь кому-то надолго уставлюсь в глаза, то меня просто замкнёт изнутри, я упаду навзничь и более не встану.

В тот момент я остановился и решил подумать, как же мне поступить. В голове то и дело мелькала мысль о том, чтобы просто сбежать. Резко развернуться, как бы глупо это не вы-

глядело, и просто обойти целое здание, там, где не будетлюдно, и дойти до своего дома, лишь бы не пересекаться с чьим-либо глазом. Но вдруг во мне загорелся огонь. Уже давно я в себе замечаю эту особенность мыслительного процесса, что если в моей голове возникнет какая-то новая нестандартная идея, но которую я могу зачем-то воплотить (зачем-то было важным словно, ведь мне до сих пор не понятно, откуда во мне берется такое сильное желание воплотить все эти идеи в реальность, какими бы абсурдными они не были), а характеризуется этот огонь знойной щекоткой в животе, как будто бы кто-то без остановки проводит по моим кишкам пёрышком, лишь бы зажечь это пламя идеи, чтобы я уж точно её выполнил. А идея звучала так: пройти через всех этих людей напрямую, чтобы встретиться со своим страхом лицом к лицу, чтобы принять его удар, как мужчина, и окончательно избавиться от этого. Идея, безусловно, была хорошей, но как жаль, что я не понимал, насколько это была тупая затея.

Зайдя в эту толкучку, до моих ушей доносились разные звуки. Шёпоты, как кто-то говорит. Первое время я не обращал на это внимание, пока не встретился с первым взглядом. Всё выглядело так, словно это какое-то кино, и я нахожусь в кадре какого-нибудь профессионального оператора. Я встретился со взглядом мужчины в возрасте, он смотрел на меня так, будто я как-то ему насолил, словно он смог прочитать во мне мою ненависть ко всем ним. Я отвернулся и тут же наткнулся на чужой взгляд, передо мной шли три юные

леди, которые вскинули на меня взгляд и стали смеяться, я тут же опустил глаза и утонул в своих мыслях. Меня сильно озадачил их смех и этот странный презрительно-смешливый взгляд, как будто смотрят на какого-то дурака, у которого слетели штаны, и теперь он выглядит так уморительно, что девушки смеются именно над ним. Мне показалось, что они посмеялись именно надо мной. Конечно, штаны были на мне, но если я до этого уже рассказывал о себе (уже если честно не помню), то я более чем уверен, что я абсолютно некрасив. И каждый раз в таких ситуациях мне кажется, что смеются именно над моей уродливой внешностью. В этот же миг я повернул свой взгляд куда подальше от этих девок на какую-то взрослую даму, которая тоже стала внимательно на меня смотреть и рассматривать меня как-то осуждающе, как будто я провинился в чём-то перед ней. А может, люди действительно могут смотреть сквозь мои глаза? Могут видеть все мои грехи и слабости? Действие стало идти быстрее, в моем взоре более не было человеческих лиц, конечностей, туловища и прочих вещей, которые тогда меня совершенно не волновали. Я видел лишь одно – их глаза. Я переключался с одного взгляда на другой, один парень словно глумился над тем, как я бегаю глазами из стороны в сторону, другая девушка, чьи глаза сощурились от солнца, будто была оскорблена тем, что я на неё смотрю. Мне становилось душно, я чувствовал, как ноги перестают меня держать, но я продолжал идти. Почему-то в голове затаилась идея, что большин-

ство веселящихся глаз, которые я встречал каждую секунду, будто надсмехаются над моей глупой походкой. Я стал следить за походкой, но почему-то именно сейчас она стала еще глупее. Правой ногой я наступал так, словно я хромаю. Каждый глаз, что попадал в ракурс сначала был веселым, а после преобразался в какое-то презрение. Они научились читать мои глаза! Получать всю информацию обо мне из них, а я нет! Они глумились над моей походкой, а после ненавидели меня за все мои поступки из прошлого. У меня больше не было сил это терпеть, я опустил взгляд в пол и смотрел лишь на свои ноги, как они шагают. Я прекрасно знал дорогу и, не смотря на неё, лишь в очередной раз подтверждая свою старую теорию. Так продолжалось какое-то время, пока я в кого-то не врезался. Я поднял глаза, и все пялились только на меня. Секунда за секундой, глаз за глазом, цвет за цветом. Все они смотрели на меня, а я смотрел на них всех, пытаюсь найти среди них тот взгляд, который вытащит меня из этой преисподней. Глаз... Еще глаз... Еще один глаз... Они все меня ненавидят... Презирают... Хотят прожечь своим взглядом! Карий, зелёный, карий, зелёный, голубой, синий, карий, зелёный, карий... Кто из них первый сообщит мне о том, что я уже мертв?!

Наконец я выбрался из этой пучины ада. Я должен был обрадоваться, вздохнуть, расплакаться или кричать. Должен был... Но меня затронул последний вопрос, который прозвучал в моей голове секунду назад. Остановившись на месте, я

установился в одну точку. Мои глаза совершенно не различали то, на что я смотрю. В моих глазах была лишь одна фраза. Фраза, которая была ключом ко всему. Ко всем моим опасениям, к результату этого эксперимента, ко всей моей оставшейся жизни.

День 6

27 марта 2016 года

Наступил следующий день. Без каких-либо лишних слов или вступлений просто расскажу, что происходит. Когда я задал в голове тот самый вопрос, то передо мной нарисовалась невидима линия, которая указала мне, как я должен поступить, зачем и почему. Уже к утру я твёрдо для себя решил, что в школу я сегодня не иду. Есть более важные дела, которые требуют незамедлительного решения. Встав с кровати, я понял, что именно сейчас мне придётся сделать то, чего я так боялся. На самом деле, ещё после всех этих инцидентов и даже во время заполнения дневника, я уже точно знал, что я должен сделать и где, но не решился. Побоялся... Испугался правды! Но сегодня всё измениться, сегодня я сделаю то, чего так сильно боялся.

Я зашёл в ванную. Свет был выключен. Лучше бы так и оставалось... Включив свет, я подошёл к зеркалу. Первое время я всё ещё боялся поднять свой взгляд. Руки дрожали, а сердце колотилось, как бешеное точно также, как вчера днём после школы. Мои движения были дёрганные и неконтролируемые, дёрнувшись с места я умылся, а после резко поднял свой взгляд в зеркало. Вместо того, чтобы как обычно описывать здесь, как я вечно снова и снова разглядывал все детали свои лица, то я удивлю читающего и скажу, что первым

делом я устремил свой взор в глаза. Свои глаза. Я смотрел не отрывавшись, и подтвердил для себя, что нарисованная передо мной дорога оказалась правдивой, и вопрос, заданный мною вчера, был не случайностью. Я смотрел в бледно-серые глаза, в них не было никакой тайны, не было какой-то загадки, в них не хотелось утонуть, я ни чувствовал тревогу или какое-то отвращение в себе. Я мог спокойно смотреть в глаза. В голове выходил наводящий вопрос: “Что, если я уже мёртв?”

До ужаса напугавшись своего едкого замечания, с огромной скоростью я бегал по квартире и собирал все вещи для того, чтобы уехать из квартиры. Кроме квартиры у нас еще был дом далеко от города рядом с какой-то деревушкой. Я должен был срочно отгородить себя от последней навязчивой мысли, что возникла в моей голове. Я быстро собрал небольшой чемодан из нужных мне вещей, после собрал все деньги, оставленные мне родителями на карманные расходы, спустился в магазин и купил 12 мисок для еды и воды для животных. Объяснюсь, я понятия не имел на сколько я уезжаю из квартиры, но я решил оставить зверям еду приблизительно на три дня моего отъезда. Ко мне приближается что-то очень жуткое, и чтобы никто не пострадал, я должен бежать из столь людного места. Запрусь на дому и не буду себя выпускать, пока не станет лучше. Миски я распределял так: по 2 миски еды каждому, по 2 миски воды каждому. Определённо, на три дня им должно хватить.

Выходя из квартиры с чемоданом в руках, я остановился у двери и посмотрел на всю квартиру. Мне стало грустно. Каждый раз, когда я покидал квартиру и ехал в дом, в душе было такое чувство, словно я предаю этот дом и всех его обитателей, даже если вся семья в сборе, то всё равно перед этим местом, где я жил столько времени, ощущается чувство предательства или же расставания с любимым человеком. Когда я посмотрел на животных, то мне стало ещё грустнее. Они меня так любят... Но когда я куда-то уезжаю, то они обычно не едят, грустят и постоянно спят. А я, зная, что со мной в будущем будет происходить, сильно огорчился за животных. Я вышел из квартиры и сел в такси. Поездка займёт около часа.

Пока мы ехали, я долго раздумывал происходящее. Вспоминая ту столь долгою поездку, я понял, что совершенно не объяснил, что происходит. А это важно, ибо **переход черты** всё ближе и ближе. В тот день я задался вопросом, когда же люди скажут мне, что я уже мертв. И спросил я это совершенно не просто так. В моей голове еще с того момента, как я перестал смотреть в глаза людям, затаилась мысль, что я уже давно мёртв. Именно поэтому я так хорошо видел в темноте, не нуждался в лицевом контакте, а все люди смотрят на меня с такой ненавистью, именно поэтому я постоянно замечал, как бледнеют мои глаза и опускается надбровная дуга, делая мой взгляд еще более ненавистнее к этому миру. И я пришёл к теории, что я стал осязаемым мстительным

духом сразу после того, как умер в тот день, когда я оказался заложником ситуации. Я умер тогда, когда стоял перед ней и удерживал свой взгляд на её зелёных глазах. Моя роль – отомстить этому миру за тот бумеранг, что был отправлен мне, за ту дурацкую случайность, что упала именно на мою сущность. И чтобы подтвердить хотя бы косвенно для себя это теорию, я должен был посмотреть в зеркало на свои глаза. А подтвердил я это не тем, что они были серо-бледными, а тем, что я смог спокойно смотреть в них. За мёртвыми глазами нет никакой тайны, нет глубины, нет истории, нет жизни. Именно поэтому я мог спокойно смотреть в них. Ведь мёртвый не сможет прочесть моё прошлое! Точно также и я не смогу ничего увидеть в его глазах. Поэтому это просто пустышка. Стекланные глаза, которые ничего не выражают, они тебя не осудят и о приоре не смогут меня напугать.

Но как только я для себя выяснил, что я скорее всего мёртв, то эта мысль тут же вылетела из моей головы. Для меня тогда уже было совсем не важно: мертв я или жив, да и сейчас я не совсем понимаю, жив ли я на самом деле. Точно могу лишь сказать, что как личность я уже умер, и в зеркале я увидел именно что глаза мёртвого человека. Так вот, когда я осознал это, то в голове возникла очередная и спонтанная навязчивая мысль. Последняя, что привела меня к тому, чего я так боялся. В голове возникла мысль – убить, чтобы посмотреть в глаза мёртвого человека. Чтобы вновь научиться смотреть в глаза людей. Чтобы насладиться этим чувством,

которого так не хватает мне, чтобы вести нормальный образ жизни... Чтобы не быть столь асоциальным и жить, дыша полной грудью, не страдая не от каких навязчивых мыслей и не страдать от своих страхов! Результат всего этого, безусловно, обнадёживает, но вот чем нужно пожертвовать, чтобы достичь такого результата... Такое я просто не мог принять. Идея и то, насколько громко и звучно прозвучала она в моей голове, испугало меня. Я понял, что **именно теперь** из-за меня могут пострадать люди. Безусловно, я стараюсь всеми силами отвергать эту мысль, но сколько бы я не качал головой, мысль не покидает мою голову. Я чувствую, как сильно пожирает она меня изнутри, и понимаю, что рано или поздно я сорвусь. Я должен отгородить себя от общества. И уж лучше я умру в одиночестве и от голода, но зато я умру хорошим человеком. А если я уже действительно мёртв, то я скрою себя от других глаз, укроюсь где-нибудь в могилу, чтобы никто и никогда от меня не пострадал.

Доехав до дома, я вышел из машины и стал размышлять, как мне поступить. Я вдруг резко оступился на одном месте, вспомнив, что во всю мою жизнь также вовлечены и мои родители. Моим окончательным решением было то, что родители ни о чём не должны узнать. Подходя к дому, я придумывал, как я буду поступать в той или иной ситуации. Если позвонят на телефон, то нужно будет залезть в самый тихий и спокойный уголок, чтобы не было слышно эхо. В квартире его нигде нет, но вот в доме его полным-полно, а это бу-

дет очень хорошо слышно, и меня тут же раскроют. Достав небольшую связку ключей, дверь отворилась. И тут же я понял градус своей тупости. Я совершенно не задумывался о том, что сигналка у дома работает, как только дверь открывается – у меня есть 30 секунд, чтобы ввести пароль, если не введу, то она заработает. И дело было вовсе не в том, что если сигналка сработает, то сюда приедет охрана или еще что пострашнее, а в том, что родители узнают о том, что я приехал сюда. Я усталился в небольшой пластмассовый экранчик с небольшой клавиатурой, напрягая все свои извилины, вспоминая пароль. Прошло уже секунд двадцать, и я начинаю набирать наугад любую комбинацию клавиш, надеясь, что так я вспомню. И не прогадал, пока я набирал вдруг в мою голову прилетел этот самый пароль. Ловким движением руки, я набрал три первых числа, как вдруг экран запищал, да запищал так громко, что я дёрнулся с места. Громко выругавшись, я ввёл пароль, что вспомнил пару секунд назад, а после зашёл внутрь и громко хлопнул дверью.

Я никак не мог успокоиться и просто ходил из стороны в сторону по квартире. Хотелось отвлечь себя чем-то, приготовить еду, сходить в душ или банально поиграть, да посмотреть фильмы, но я ждал только одного – звонка. Тогда я примерно рассчитал, через сколько мне должны позвонить родители. Так как они в поездке, то будут сильно заняты, но на звонки ответят в любой момент... почти. Думаю, они точно услышат оповещение, что дома была активирована сиг-

нализация, уж это очень важно. Поэтому в ближайшие пол часа мне они точно должны будут позвонить. Мне, именно потому что в конечном счёте я ввёл пароль и выключил сигнализацию. Так что им будет известно, что тот, кто пришёл домой – знает пароль от сигналки. Так и выходит, что единственный подозреваемый во всём этом – я. Это конечно понятно, но что я им скажу? Зачем я сюда приехал? Тогда я посчитал, что придумать отговорку будет очень просто, но я совершенно не рассчитал тот факт, что мне нужно будет что-то придумать для того, чтобы в последствии я остался именно дома. Так получилось, что мне позвонил папа, включив при этом громкую связь, чтобы всё слышала мама, и спросил меня, что я делаю в доме. Я сказал, что я забыл одну вещь по школе, которую мне нужно будет завтра принести на занятия. Отговорка была неплохой, но вдруг мне говорят о том, чтобы когда я поехал домой, я включил сигнализацию обратно. То есть они настойчивы на том, чтобы пока их нет – я жил в квартире, а не дома. Тогда мне показалось легко обойти эту просьбу, просто не включать сигнализацию и никуда не ехать. Включил я сигналку или нет, они проверить никак не могли, так что я мог просто вскинуть ноги на стол и сидеть так, да отдыхать. Но вдруг меня осенило, что по всему периметру дома развешаны камеры. Так или иначе, но кто-то из них сможет проследить, уходил я из дому или нет. И так как моя отговорка звучала в том, что я просто приехал за вещью, то по хронологии событий я должен был уйти

оттуда в ближайшие полчаса. И скорее всего кто-то из родителей бы проследил, как я уезжаю оттуда. Нельзя было медлить, поэтому я придумал план действий, где я выйду из дома, чтобы камеры это точно зафиксировали, потом буду где-то шляться на протяжении всего дня по всему посёлку, а потом, когда наступит ночь, я просто вернусь в дом, как ни в чём не бывало, но на всякий случай буду ходить без света. Не думаю, что родители захотят проверять ночью камеры, но предостеречь такую ситуацию нужно.

Сейчас я второпях заполняю колонку сегодняшнего дня. Не знаю почему я решил сделать это именно сейчас, а не потом, когда выполню весь свой план, но, в общем, как получилось. В очередной раз не теряю свою надежду на всё самое наилучшее.

День 6

27 марта

Что же мне первым делом написать... И как мне это сделать? Ах да, фактически день не поменялся, и сегодня всё еще 26 марта. До часу ночи всего пару минут, и мне хотелось просто написать 27 марта, но меня стала мучать мысль о том, что если я напишу не 27 марта, а 28, хотя по факту сейчас 27, то в моей жизни случится что-то плохое. Хотя куда уж хуже...

В общем, сейчас я в доме. План сработал. Но это не так важно... На фоне того, что случилось – это просто пшик. Итак, я оказался на улице. Мне нужно было как-то себя развлечь, поэтому я просто ходил по улице и пинал песок от скуки. В этом посёлке уже давно растаял снег, поэтому я мог пинать песок! Что за глупости... Сейчас я совершенно в ауте, так что простите, если буду писать какие-то бредни. Итак, я гулял... На самом деле природа вокруг дома мне нравится куда больше, чем природа в городе. Возможно, потому что я жил там очень долго, нежели в доме, куда мы едем просто на отдых. Возможно, вся округа мне стала слишком привычной и назойливой, чтобы воспринимать её как что-то необычное и восторгаться ей. Но почему-то когда я брожу среди домов и небольших лесов, не затронутых городскими жителями, в моей душе рождается какое-то вдохновение к жизни. Я смот-

рю на разные дома, и какими бы они страшными или наоборот красивыми были, я представляю, как хорошо было бы жить в подобном, построить такой самому и наслаждаться жизнью. Был какой-то уют во всём этом...

Вся красота здешних домов и природы привела меня к размышлениям о моих дальнейших действиях. Что я буду делать, когда вернусь домой? Как я отгорожу себя от народа, и чем я буду заниматься всё это время дома? В первую очередь я задумался о еде... Мне сильно хотелось есть. Я представил, как я нарезаю себе бутерброды, и вспомнил один сильно выделяющийся для меня недостаток дома от квартиры. Здесь нет нужных для меня ножей. Как мне казалось, лучший нож для нарезания хлеба – нож с резцами на всю линию лезвия. Слегка туповат, чтобы он не застревал постоянно на доске, когда ты режешь хлеб, но при этом за счёт резцов очень качественно отрезает хлеб. Именно то, что мне было нужно. Чтобы время пролетело, как можно скоротечнее, я отправился в магазин за покупками. Благо деньги на карманные расходы еще остались. К сожалению, поход по магазину сократил время лишь частично. Я набрал себе побольше еды и купил себе нож, так что теперь всё должно было быть в порядке. Правда, был один нюанс, когда я покупал нож, то большинство из них были закрыты или упакованы, так что зубчатый он или нет – узнать мне толком и не удалось, но на глазок, как мне казалось тогда, я смог определить. При выходе из магазина я не стал доставать нож из упаковки, никакого портфеле-

ля у меня не было с собой, а чемоданы и прочее барахло я оставил в доме, так что сложить нож у меня никуда бы не получилось. Конечно, я бы мог положить нож в пакет, где у меня были все остальные продукты, но вдруг нож бы разрезал пакет, а все продукты бы выпали? Получилось бы не хорошо. Да и что мне, как какому-то психопату ходить с открытым нараспашку ножом в руках? Нет. Так что я приберёг тайну и решил открыть нож чуточку позже. Конечно, я мог попробовать определить по названию какой именно нож мне нужен, но я понятия не имею, как они называются.

Время близилось к ночи, я развернулся от изначального пути к лесу и пошёл до дома. По дороге я решил, что уже ничего страшного не будет в том, что я открою упаковку ножа, чтобы узнать правильный купил я или нет, ведь я уже шёл до дома, так что меня толком и не успеют увидеть с ножом. Тем более, с такими ножами вряд ли ходят какие-то убийцы, так что вряд ли на меня кто-то, что-то смог бы подумать. Я раскрыл упаковку и достал оттуда нож. Передо мной открылся большой и широкий нож с зубчиками на одной стороне лезвия ножа. Я был рад, что деньги не были потрачены впустую, а потому продолжил свой путь со спокойствием духа и довольно хорошим настроением. Впервые за эти последние несколько недель.

Но не тут-то было, пока я размышлял о том, как кажется всё шло к более приятной и хорошей стороне, кто-то вдруг резко схватился за мою руку. Я слегка испугался и дёрнул го-

ловой в поисках человека, что схватил меня за руку. Я упёрся взглядом в глаза женщины, что смотрела на меня в упор.

—

Ой, извините, что напугала! Я просто звала вас и звала, а вы никак не отвлекались, — молвила она извиняясь.

Меня охватил шок, глаза охватывали весь мой разум, они заполняли весь мой взор, всё что я видел.

—

Вы не подскажите мне, где здесь находится гипермаркет? Я просто впервые в этом районе, приехала к семье, подумала, что должно быть вы знаете, — говорила она как-то слегка взволнованно от моего маниакального взгляда.

Всё пространство вокруг меня окружал зелёный прозрачный цвет, на фоне которого высвечивалась паутина из чёрных узоров, что обычно не так заметны в глазах. И единственное, на чём я сконцентрировал и никак не мог оторвать свой взгляд —приближающегося по мере увеличения огромного зелёного фона чёрная точка глаза. Она приближалась ко мне, а после уже вошла внутрь меня, словно проникая ко мне в душу, пытаясь захватить её. Я тонул.

...

Крепко схватившись за нож, я вонзил его в грудь женщины, стоящей передо мной. В ушах прозвучал хруст костей и омерзительное разрывание кожи человеческих тканей. Нож был тупым и неудобным для такого применения, а потому он вошёл только лишь на $\frac{1}{4}$ в тело женщины. Она, приглушённо-

но охнув, смотрела на меня глазами полного страха и разочарования. Всё, что чувствовал этот человек передо мной, отчётливо передавалось в его глазах. Удивление перемешенное с разочарованием от того, что именно так заканчивается её жизнь, что именно после этого она не сможет встретиться со своими близкими, что всё, что было пережито за это 30-40 лет её жизни было насмарку. Что если бы она подошла в этот момент к кому-то другому, то она пережила бы это и лежала бы сегодня в объятиях и доброте своих любимых, но в эту мрачную ночь, она стояла передо мной еле держась на ногах, умоляя своим терзающим взором, чтобы я остановился, чтобы я пустил её из своих тисков смерти. Её глаза торговались со мной, что у неё есть семья, она её ждёт и будет громко плакать, когда не дождутся её дома и будут бегать с такими же стеклянными глазами, как и у меня, и умолять следователей, чтобы они нашли свою родственницу, в худшем случае мать, в наиболее терпимом, дальнюю тётю, которую никто не знает.

Крепко держа нож в руках, я предал усилия кистям руки и вонзил еще сильнее и глубже нож в женщину. Я не отпуская взгляд от глаз, я видел, как её жизнь проходит в её глазах, как она угасает с грустью и огорчением, что она просто не успела передать всем своим близким, как же она их любит. Что именно ей не повезло встретиться со мной. Я чувствовал эту боль. Именно сейчас я понял, как другие читают во мне мою душу, смотря в глаза. Теперь я буду читать душу других.

Когда нож вошёл до упора, женщина грохнулась на колени, её глаза продолжали смотреть туда же, куда и смотрели до этого. В мои глаза. Но теперь перед ней были лишь мои ноги, словно продолжая свой акт мольбы, всё ещё надеясь на то, что ей дадут ещё один шанс. Я дал прочувствовать ей то же, что и почувствовал тогда в школе. Взгляд так и остался там, напротив мною выбранной девушке. Именно тогда я и умер, так и умерла женщина передо мной.

—

Почувствуй, — молвил я, полным сожаления и грусти взглядом куда-то в воздух.

Никто бы уже не слышал мои слова, но я сказал это ей. Таковы последние слова, что она услышит. Глаза растеряли свой живой вид, очи сомкнулись наполовину. Душа вышла из её тела, она пошатнулась, а после упала боком всем телом об асфальт, из её груди торчала лишь чёрная ручка ножа. Совершенно потеряв осознание происходящего, я так и смотрел туда же, куда и смотрела она. В глаза. Конечно, теперь это была просто пустота, но её глаза проникли ко мне в душу и больше никогда не покинут её. Именно за это я и лишил её жизни в ответ.

Вдруг адекватная оценка ситуации вернулась ко мне, я схватился за голову и стал оглядываться по сторонам.

—

“Черт! А если кто-то видел?! Всё... Это конец! Конец!

Мне более не выбраться из этого чана кислоты”, – запаниковал я.

Я резко упал на колени рядом с трупом и стал рассматривать её состояние, на случай если она ещё была жива. Не дышит. Я, ещё больше запаниковав, осознавая, что я только что убил человека. Без какой-либо мотивации! Просто так, черт возьми! Её глаза готовы были упасть, но я решил это предотвратить, схватившись за её лицо, я перевернул его ближе к себе и стал открывать её глаза. Удостоверившись, что глаза держаться открытыми, я стал думать, как мне далее поступить. Вновь оглядываясь по сторонам, я рыскал глазами все проходы, выходы, улочки, дворы рядом с домами. Удостоверившись, что скорее всего никто не видел произошедшего, я схватился за плечи и стал её волочить по земле. Я был недалеко от дома, но в мои планы не входило затаскивать трупы в дом! Волоча за собой труп, я вновь и вновь дрыгал головой из стороны в сторону, чтобы уж точно увидеть выходящего из-за угла человека, и резко придумать что-то, что помогло бы мне скрыть труп.

Но подняв взгляд, я испугался, резко уронил труп на землю и стал снимать с себя кофту. За трупом всё это время шла дорога крови, которая оставалась на земле. Я приподнял труп и подложил ему под рану большую часть кофты, а сверху обвязал рукавами вокруг туловища. В голову пришла идея – положить труп себе на плечо и добежать до злополучного дома, но неудачно попытавшись поднять труп, понял,

что идея заведомо мёртвая. Всё же я приложил еще немного усилий и труп получилось поднять, и положить себе на плечо, но я тут же стал падать под большим количеством килограмм женщины. Я скинул её на землю спиной и обнаружил, что моё плечо полностью залито кровью из-за того, что я нечаянно положил её животом на плечо. Футболка была белой, поэтому кровь сильно выделялась на её фоне, даже ночью в темноте. Совершенно потеряв рассудок, я просто снова схватился за труп, но уже за обе ноги. Силы мои кончались, но просто из-за банальной истерики и боязни, что меня вот-вот обнаружат, я продолжил волочить труп до своего дома, пока я с него просто случайно не стянул ботинки. В итоге из-за противотяги я просто улетел в сторону от трупа. Мы оба оказались на земле. Тут же вскочив на ноги, я стал собирать туфли, слетевшие с женщины, в руки, хотел сложить их в пакет.

—

“А пакета-то нет! Где пакет?!”, – продолжал паниковать я. Вспомнив, что я просто выронил пакет из руки после убийства, я просто побежал за ним, оставив труп в одиночестве. Какой же я болван... Мне очень сильно повезло, ведь труп никто не нашёл. Я положил ботинки в пакет, после чего взял труп за плечи и продолжил его волочить. Совсем забыв о том, что я должен осматривать всю округу на наличие посторонних глаз, я повернул голову влево и обнаружил, что вдалеке в нашу сторону шёл какой-то молодой парень в

наушниках. Его взгляд казался пустым, кажется, он больше внимал музыке, что играла в его наушниках, чем на то, что было впереди. Запаниковав, я вновь вскинул труп со своих рук, опрокинул пакет на землю, после чего схватился за труп и стал поднимать его из положения лёжа, перевернув его головой к низу, я уронил его на землю рядом с пакетом. Парень приближался всё ближе, но, судя по всему, ему лишь надо свернуть за двор издалека от меня, так что у меня был шанс разыграть небольшой спектакль перед ним. Я стал правым боком к нему, а левым боком стал незаметно придерживать за грудь труп, правой рукой делал вид, что приподнимаю женщину. Со стороны всё выглядело так, словно женщине стало тяжело держать пакеты, и она упала, споткнулась или не удержала пакет, а я просто решил ей помочь. Парень посмотрел на нас, как ни в чём не бывало, а потом просто развернулся и пошёл далее. Мои действия сильно ускорились. Я уронил труп и схватился за пакет, натянув его лямкой на пол руки, я подобрал труп за плечи и поволочил его за собой. Оставалось уже не много. Наконец дойдя до дома, я отпустил труп на землю и стал набирать воздух после столь тяжёлой физической нагрузки. Оглядываясь по сторонам, я должен был решить, куда именно мне деть труп. Вариантов было два: либо в мой дом, либо в рядом стоящий дом, окна которого были забиты досками. О доме этом известно мало, но он всегда вызывал у меня неподдельный интерес. Из себя он представлял обычный трёхэтажный дом из какого-то серого стро-

ительного материала, который напоминал кирпич, а также довольно большая крыша. Но при этом дом всегда выглядел заброшенным из-за отсутствия окон, которые компенсировались деревянными дощечками, забитыми на всё квадратное пространство пустых окон. Меня всегда привлекал этот дом своим давно необычным видом, на фоне полностью построенных и красивых домов этого дома. Какие только сказки я тогда не придумывал в своей голове о нём, но я уверен наверняка, что хозяина там нет и уже давно как не будет. Вероятно, дом ему даже уже больше не принадлежит... Не знаю, что случилось с хозяином, но это отличная возможность избавиться от трупа. Я стоял на перекрестии домов и участков, решать нужно было быстро. Дом отлично бы подошёл для временного убежища трупа, но мешал лишь тот факт, что я не знал наверняка, может ли приехать хозяин в этот дом. Но даже если бы я знал, что хозяин этого дома уже давно как не в городе, или что дом уже никому не принадлежит, то я всё равно бы не потащил туда труп. Так или иначе, но это моя вина. Я сам создал эти проблемы, и осквернять или же скидывать свою проблему на других я не собираюсь. Поэтому я потащил труп в дом. Закрыв за собой дверь, я вновь осмотрелся. На улице рядом никого не было. Значит, нужно решать, как мне поступить дальше.

В ту минуту я должен был рассчитать все исходы и варианты. Какие улики я оставил? Видел ли кто-то убийство и просто скрылся от меня? Могла ли засечь камера видеона-

блюдения? Черт! Ведь я только сейчас вспомнил о камерах! Что у нас, что вообще во всём посёлке. Ладно еще в доме, ни раз я видел, как работают камеры у дома, и даже если там и что-то было видно в темноте, то могу наверняка сказать, что никто это не видел и уж точно не увидит. Камеры снимают, но не записывают, так что здесь никаких улик не осталось. Это точно. Но вот на всей территории... Нужно будет обойти место происшествия и посмотреть там наличие камер... Нет! Нельзя приближаться к месту происшествия, у неё есть родственники, а потому скорее всего уже часа через 2-4 забьют тревогу. Полицейские будут прочёсывать местность уже завтра и наверняка наткнутся на кровь. Кстати, о ней, нужно сообразить... Кровь была оставлена метров за 4-5 от дома, соответственно этот дом не главный подозреваемый, но сюда скорее всего точно зайдут.

Когда я обдумывал всё это, то я резко поймал себя на мысли, что я думаю не о том. Меня до ужаса напугал тот факт, что я словно какой-то маньяк пытался вспомнить все улики оставленные мною, словно не было ничего обычного в том, что я только что убил человека! Я схватил себя за шею и стал душить себя от муки в душе, что я только что избавил чью-то семью от сегодняшнего веселья и радости, что эта женщина вероятно играла какую-то роль для семьи, раз её позвали в этот район неведомо откуда. Да даже не важно, как это влияет на остальных, я отнял жизнь у человека... Почему... Почему именно эта женщина стала моей жертвой? По-

чему судьба “наградила” её именно этим? Ведь она ни в чём не провинилась, такой милостивый и наивный взгляд, вероятно, любящего жизнь человека. Она подошла и спросила меня с большим уважением в манере и взгляде, а я с ней так поступил... Для чего она училась ходить и дышать... Куда были направлены все усилия её родителей, для воспитания, для её будущей жизни... На это?! На эгоиста-придурка, который не смог совладать даже с самим собой, но зато почему-то решил, что он вправе совладать с кем-то другим? И ведь столько человек прожил... Столько, наверное, пережил, чтобы просто мимоходом спросить именно меня, чтобы поскорее попасть к семье, а в итоге всё так обернулось. В итоге я отнял её жизнь. Отнял у неё шанс взглянуть на своих близких. А также отнял шанс у её близких ещё раз взглянуть на неё.

Мне было страшно даже посмотреть на неё. Я смотрел лишь на её широкие плечи, за которые я её держал, благо мне не было видно её лицо иначе окончательно бы сошёл с ума. По всему дому торчали окна, если оставлю её на входе, то меня быстро раскроют. Поэтому я принял решение, что труп будет до завтрашнего дня в туалете, пока мой разум не прояснится, и я не решу, как мне поступить. Собрав все освежители воздуха по дому, я расставил их вокруг трупа, чтобы на случай, если он начнёт вонять, здесь не оставалось запаха. Я ещё не терял надежды и не отрицаю у себя в голове вариант, где меня никто не раскроет, и я смогу продолжить

обычной жизнью, словно этого ничего и не было.

Вдруг на мой телефон кто-то зазвонил. Я испугался, ведь звонок наступил так быстро, как только я оказался вместе с трупом дома. Я испугался, что родители всё-таки решили посмотреть на камеры именно сейчас и увидели результат моей шалости. Я побежал до стола и мигом схватил телефон. Звонила мама. Я бегал по всему дому в поисках укромного места, где не будет эха. Когда наконец я его нашёл, я ответил на звонок. К моему “счастью” она просто спрашивала, как у меня дела, и как прошёл день, хорошо ли я добрался до квартиры и нашёл ли я то, что мне было нужно. В общем, всё в её духе. Её голос был столь искренним и радостным, что мне стало так тяжело на душе, что я толком и не слышал, чего она там говорила. Мне стало стыдно за себя и горестно за моих родителей. Они так радостны в поездке, а дома вечно в ссоре и такие угрюмые. Сейчас их душа освободилась от здешних проблем, и пускай там есть проблемы по работе, но вместе, решая эти проблемы, они и делают друг друга счастливыми. А я здесь в их отсутствие создаю им новые проблемы! Будто они этого заслужили?! Почему родители вечно несут ответственность за своих безрассудных детей? Ведь я сам это решил! Сам сделал этот поступок! Ведь они тут не причём! Пусть они накажут меня, но родителей не тронут. Пусть меня сожрёт этот мир, но родители будут такими же счастливыми, как и сейчас. Мою душу разъедало от того факта, что сейчас мне приходится обманывать маму, что я в квартире

и со мной всё хорошо. Что я послушный мальчик, который делает домашнее задание. Сейчас она желает мне всего самого наилучшего и любит меня... Но мне так страшно, что когда она узнает, то станет меня презирать.

День 7

28 марта 2016 года

Наступило утро. Спускаясь с лестницы, я обычно держусь за поручни. В этот раз, когда я спускался по лестнице, поручень ударил меня током. Причём это уже не впервые происходит за этот день. Многие вещи, к которым я прикасаюсь в доме, бьют меня током.

Спустившись по лестнице на первый этаж, где лежал труп, я решил тут же проверить, что происходит в ванной комнате. Зайдя туда, в нос ударил острый запах смерти. Мне стало трудно дышать, и я включил проветривание, нажав на вторую кнопку включения света. Вытащив труп наружу, я открыл дверь настежь, чтобы весь запах выветрился. Освежители воздуха совершенно не помогли. Они лишь усилили жуткую концентрацию запаха, что сейчас царила в ванной комнате. Там воняло одновременно и каким-то странным запахом, что очевидно, исходил от трупа, и сильным запахом освежителя, что тут же ударял в нос. Сойдясь на том, что от трупа нужно как можно скорее избавиться, я сбросил носу, что вытаскивал из ванной, и от усталости упал рядом с ним. Сегодня я спал очень мало. Я никак не мог уснуть, ведь мою мысль охватывал мой поступок. Я никак не мог найти оправданий своему поступку, я смешивал себя с грязью и предрекал всё самое наихудшее, я никак не мог отделаться

от мысли, что я лишил всего эту женщину, что я посягнул на роль бога и стал решать, заслужила она умереть или нет. Это неправильно. Меня пугала мысль, что скоро меня постигнет кара – наказание, за то, что я осмелился взять на себя эту роль. Даже молиться было стыдно и страшно. Я не достоин произносить столь светлые слова, своим грязным ртом. Но сложнее всего было уснуть от неведения. Неведения – насколько большую боль я оказал этой женщине. Скольких людей я обделил этой любовью? Трёх детей? Может быть, её маму и папу? Или же есть кто-то еще? Если бы я сразу знал цену своего эгоизма, то может быть мой сон был бы более спокойным. Но вот отчего мне так и не удавалось уснуть... Это...

Я обернулся к трупу и посмотрел на него. Я видел лишь профиль лица, так что глаза, даже при всём желании, я бы не смог рассмотреть. Дрожащей рукой я потянулся к лицу женщины, сердце стало биться сильнее. Я отдернул руку от лица, опасаясь неизведанного и необъятного мне страха. Но при этом идея перевернуть её лицо к себе, чтобы увидеть её глаза вблизи, пожирала меня изнутри. Во мне вновь загорелся тот знойный огонь, что обычно мучает меня при внезапной мысли сделать что-то странное, чего бы я никогда в жизни не стал делать. Именно этот огонь пожирал меня при мысли убить. Он стал одной из причин. Хотя, могу сказать наверняка, что нет мне никаких оправданий.

Всё же это поглощающее чувство стало сильнее, и я потя-

нулся рукой к её лицу. Оно уже побледнело и странно попахивало, но о запахе тогда я совершенно забыл. Меня волновало только одно – что с её глазами. Я дотронулся рукой до её лица, глядя её щеку, я пытался понять это странное чувство, которое дано определённому не каждому. И раз уж мне выпала такая возможность, то почему бы ей не воспользоваться. Такое странное и одновременно пугающее ощущение... Когда перед тобой лежит человек, и не смотря на странный цвет кожи и отсутствие дыхания, выглядит, как абсолютно живой. При этом он ничего не говорит, не двигается, ни на что не реагирует, смотрит лишь на потолок. Ты можешь дотронуться до его кожи или же делать с ним что захочешь, а он даже никак не отреагирует. Не накричит на тебя, не испугается, не будет убегать от тебя. Именно это отличает обычного человека от трупа. Я смогу смотреть ему в глаза.

Лёгким движением руки, я повернул её голову в свою сторону и увидел эти глаза. И во мне разыграло прекрасное чувство радости и умиротворения. Точнее, как бы это сказать... Когда я уставился напрямую в эти глаза, то я не испытал ни страха, ни боли, ни ощущения будто кто-то проникает в мою душу, я даже не смог сам прочесть что-либо в этих глазах. В них ничего не было. Нет никакой истории, никаких переживаний, страданий, чувств, эмоций. Всё это было, но после смерти оно забывается. В голову закралась одна мысль, что почему человек, совершенно не знающий умершего, сопереживает ему, словно он ему кем-то является? Он смотрел в

его глаза? Он чувствовал все эти переживания? Ведь ты совершенно не знаешь этого человека, а после его смерти ты по-настоящему его уже никогда не узнаешь, кто бы тебе что о нём не рассказывал. Всё дело в глазах, теперь они мертвецки бледные, даже серые. Черная точка в середине глаза окрасилась в белый, что для меня лишний раз перестало быть преградой. Ведь никакая чёрная точка не могла устремиться мне в душу. Зрачок также стал серым, уже плохо помнится какого цвета были у этой женщины глаза, вероятно зелёный, но какая вообще разница? Так мне нравится намного больше.

То, что мне больше всего нравилось в её глазах – это спокойствие. Впервые смотря человеку в глаза – я ничего не чувствовал. Именно это мне и нужно было. Именно этого я и добивался. Именно это и стало одной из причин к убийству. Так думал я пару часов назад, лежа рядом с ней. Мне захотелось посмотреть, как можно ближе в эти глаза, хоть раз в жизни позволить себе нечто подобное – видеть настоящий глаз человека столь близко и столь долго, ничего не боясь. Я забрался на эту женщину, сев на её талию, после чего опустил лицом к ней и опёрся рукой о пол неподалёку от головы, сам находясь вплотную к её лицу. Я стал смотреть на её глаза и никак не мог остановиться. По ощущением это было похоже на что-то такое, как когда ты мечтаешь о какой-то вещи очень долгое время, а когда её получаешь, то просто не можешь остановиться ей пользоваться, даже если тебе уже плохо или настроения нет, но ты всё равно никак не можешь

насытиться в тебе есть иллюзия жажды, и ты продолжаешь это делать. Только ты пытаешься отвлечься от этого занятия, но вспомнив о нём, тебе станет как-то горько на душе, что ты не делаешь то, о чём мечтал столь долгое время, и ты снова возвращаешься к этому делу.словно газировка! Ты пьёшь и пьёшь, пожалуй, этот вкус у тебя уже сильно засел во рту, и он тебе даже отвратителен, но ты всё равно продолжаешь её пить.

Также было и со мной. Я просидел так часов до трёх и никак не мог перестать смотреть на эти глаза. Пожалуй, я бы смог так смотреть на глаза любого бесконечно, даже совершенно не стесняясь себе этого позволять, лишь бы они были мёртвыми и не причиняли мне боль. Именно мёртвые глаза позволяли мне на них так долго смотреть. У меня не было страха перед ними, ведь это была просто оболочка или же фон, что остался после смерти этой женщины. Главная же часть была убита вместе с хозяином глаз, что позволяло мне так просто на них смотреть. Безусловно, читающий мог возразить, и напомнить мне об услугах интернета, что я мог просто загрузить большие и крупные снимки настоящих глаз людей и смотреть на них, но это не то... Конечно, я не отрицаю, что на них, в отличие от настоящих глаз живого человека, я могу спокойно смотреть. Но это не глаза человека, который может стоять передо мной или лежать передо мной, это просто фотография. Как я уже писал до этого, лёжа рядом с трупом было присутствие, что передо мной лежит живой

человек, тело которого ему уже не принадлежит. Поэтому не было ощущения того, что меня пытаются надурить, когда я смотрю в глаза этой женщины, так как я знаю наверняка, что передо мной некогда живой человек.

Когда я опомнился и понял, чем я занимался всё это время, то я почувствовал острую боль в руке. Я на протяжении часа, опираясь на руку, подвис над мёртвым подо мной человеком. От сильной боли и усталости я просто приподнялся и сел на трупе, размышляя о насущном. Вдруг я осознал, что за все события, что происходили последние несколько дней, я так толком и не понял, как выглядела мой жертва. Мне стало особенно горестно и стыдно, что я, убивая человека, даже толком и не рассмотрел её внешность. Подо мной лежала женщина лет 30. С её лица еще не успела сойти та молодость, которая присуща людям лет в 20, но и при этом на лице было некое отображение взрослого человека. Причёска на её голове представляла из себя большую кудрявую копну золотистых волос. Не столь сильно похожу на афру, сколько на её уменьшенное подобие. Такие причёски были популярны в 90 – х или каком там году, я понятия не имею. Удивительно видеть нечто подобное в наше время. Печально осознавать, что я убил такую редкость. Не часто увидишь на улице блондинку с зелёными глазами. Нос был маленький и худой, а глаза на его фоне были просто огромными. Ранее, как могу представить, они были большими и настолько пленительными, что просто моментально охватывали мой

разум, но сейчас на лице лишь застыла гримаса разочарования и удивления. Рост женщины был небольшой, на ней была одета простенькая сиреневая кофта и бежевые брюки. Судя по одежде, она была не из самой богатой семьи. Один лишь взгляд на её пальцы, и на моё сердце будто повесили груз в 100 килограмм. На безымянном пальце было одето кольцо, на её маленьких пальцах было довольно трудно заметить его. Её лицо было бледным и худым, кожа словно была силой натянута на череп. У неё были довольно большие скулы, а взгляд, несмотря на застывшую форму, выглядел очень навивно и доброжелательно. Уж кто-кто, а этот человек точно не заслуживал смерти. Никто не заслуживает смерти, так или иначе, но что оставалось мне?

Проговорил я, и мой живот резко проурчал. Время на часах показывало два часа дня. Я должен был поесть. Плохой сон компенсировал голод, а потому мне хотелось есть особенно сильно. Я встал с тупа и направился на кухню. Пока я нарезал себе бутерброды, внутри стало вновь урчать. Но урчал уже далеко не живот, а моя душа. В том же месте, где обычно во мне загорался огонь идеи. Мне стало как-то... тоскливо? Я вспомнил о том, как прекрасно было просто смотреть в чьи-то глаза и ни о чём не переживать, когда смотришь в чью-то душу. Но у неё души-то нет!

...

Я чувствовал какое-то опустошение внутри себя. Словно с каждой минутой на кухне в одиночестве мне становилось

всё хуже и хуже, словно в желудки образуется дыра, и она становится всё больше и больше, и больше. Словно я не ел и не пил два, а то и больше дней. Мне не нужно было быть отличником, чтобы понять, что происходит. Я схватил стул и стол, и потащил его на вход у двери. Благо окон там не было, и никто бы не смог заметить, чем я занимаюсь. Стол был довольно маленьким и лёгким, так что я мог преспокойно пронести их в коридор, держа в двух руках и стол, и стул. Чтоб наверняка, я запер все двери других комнат, в которых были окна. Чтобы хоть кому-то увидеть в этих окнах мои занятия пришлось бы залезать прямо на территорию дома. Но вариант, что такое может произойти, я не исключал. Посмотрев на труп, я вспомнил, что именно мне хотелось сделать. Сбежав на кухню за еще одним, я поставил его рядом с трупом. После чего поднял труп и посадил его за стул, затем сам сел за стул напротив. Я стал поедать пищу, сидя прямо напротив трупа, и смотря ей только в глаза. Для просмотра её глаз, мне не нужно было концентрироваться на еде или смотреть на то, как я это делаю. Почти все мои действия уже так часто были повторены и отточены, что я мог делать это хоть с закрытыми глазами. Стало скучновато, и я решил, что будет лучше поставить рядом с нами телевизор, чтобы создать такую иллюзию классического ужина на свидании или же на завтраке вместе со своей женой, кому что ближе конечно. Поставив телевизор рядом, я включил его. На заднем плане стали доноситься различные голоса. Я не обращал на них внима-

ния до поры до времени, пока в голову не занесло очередную спонтанную идею. **Я должен переключить на новостной канал нашего города.** Тогда я был уверен, что новости о моём поступке расползлись по всем сми и телеканалам нашего города. Именно поэтому я вообще не включал телефон без надобности, а мысль о переключении на этот канал повергла меня в истерику. По спине пробежали мурашки – я боялся правды.

Но очередная навязчивая мысль проникла во все мои мыслительные процессы и не отстала от меня, пока я всё же не переключил на этот канал. Там рассказывали о происшествии в районе этого дома. Было заявлено, что такого-то числа пропала женщина, мать двоих детей, 32 года, живёт в городе. Судя по программе, изначально она была написана с главной темой о пропаже, но видимо позже они нашли кровь за 4 метра от моего дома. Им стало известно, что так или иначе, но пропавшая как-то пострадала. В программе было заявлено о том, что по подозрению полиции женщина была убита, а труп вместе с оружием были где-то скрыты. По версии полиции, убийца еще скрывается где-то в посёлке, и если кто-то будет видеть подозрительную личность, то их просят в срочном порядке сообщить об этом в полицию.

Я тут же переключил программу и отбросил пульт в сторону.

—

Убийца... Это я убийца?! Я жертва!!! Жертва своего ра-

зума! Что я должен был с собой поделывать? Начать принимать всякие лекарства? Таблетки? Должен был сообщить об этом родителям или обратиться к психотерапевту?! Да я просто не мог... Не мог так разочаровать родителей, особенно когда они впервые за столь долгое время счастливы, что я псих? Нездоровый человек с психическими отклонениями, у которого в мыслях возникает вождение к убийствам? Так что ли? Нет! Я не мог так поступить. Да, и еще одна отговорка их эта... Превращать из обычного человека в психа. Сразу же заклеить его. Неужели я убил? Разве я убил? Разве мне этого хотелось? Нет. Я лишь пешка в руках своего разума, который пошёл по другому пути, пути не привычному разуму нормальных людей. Да и как я должен был поступить в другом случае, не говоря ничего родителям? Да даже если бы сказал, это был бы приговор всей моей жизни! Только подумайте, какая ситуация получается, насколько сильно поменялась жизнь за всё это время? Наши жизненные устои так сильно поменялись, но на поверхности всё остаётся как прежде. Лишь изменились роли. Всю жизнь все мы делимся на два вида: сильные и слабые. Слабым пришлось адаптироваться и выживать, пока сильные держали всё вокруг, спокойно жили и создавали жизненные устои вокруг. Многие будут вечно нам рассказывать о том, как мы все равны перед друг другом, но стоит лишь заикнуться о том, что у тебя жуткие проблемы с психикой, или ты родился не с таким складом ума, как у всех остальных, то тебя тут же запрут в

психушке! Твоя жизнь тут же будет отдана в чужие руки, и распоряжаться ей будет кто-то другой. Ведь люди вроде меня никогда не получают той же свободы действий, что и люди с названным складом ума. В таком случае, я должен был просто смириться и отказаться от своей жизни? Сказать, что пусть все другие живут на счастье себе, а я буду жертвовать своей жизнью ради других? Неужели никто не видит в каком мире эгоистов мы живём. Пока ты будешь страдать от своих неполадок в голове, но зато жить полной жизнью, другие будут спокойно упиваться своим спокойствием и жизнью полной свободы, а тебя клеймить убийцей! Таки как я должен был поступить, расскажите-ка мне. Всю жизнь стараться таить в себе своих демонов, но однажды случайно сорваться, но зато жить полноценной жизнью не отдавая её никому другому, или же отдаться в лапы психологов и других прохиндеев и отказаться от своей жизни, запершись навсегда в четырех стенах, и отказавшись от своих близких, но зато никто тебя не назовёт убийцей! Ты просто псих, ошибка жизни, так тебе и дорого жить среди людей, которые тебя ненавидят, ведь мы тебе не рады! Это наш мир! Выйди из него! – кричал я на весь дом.

—

И всё мне известно про этих говнюков психотерапевтов. Так один раз тебе скажут, что всё будет хорошо, а после запрут навсегда в психушке, где все будут скрывать от тебя свою ненависть и отвращение. Где ты будешь заглатывать

каждую таблетку, а потом просто падать и биться насмерть головой об пол! Разве не так? Или когда ты ищешь в помощи в интернете, то жалкий говнюк со спокойным тембром речи не заставит тебя платить по сто тысяч за то, чтобы навсегда избавиться от своей проблемы? Такие вот мы лекари вашей психики, мы ведь все живём в таком мирном мире, мы ведь не убийцы! Ведь не мы не даём шанса таким людям жить нормально и избавить их от этого говна, мы делаем всё бесплатно, но взамен вы навсегда идёте нахер из нашего мирного и доброго общества! Ведь так. Всё происходит именно так. И даже если однажды тебя и выпишут оттуда, то тебе всё равно останется лишь плыть по течению. Больше тебе не устроиться на какую-то работу. Больше тебе не привнести что-то новое в это общество. Ты просто...пустышка. Ты всё равно остаешься ошибкой природы. Но что самое главное... Тебя так сильно заглотают этими таблетками, что ты уже давно как перестанешь быть собой. Вероятно, у тебя и перестанут существовать эти проблемы типа моих навязчивых идей, но это уже будешь не ты. Ты не сможешь мечтать, чувствовать, жить. Всё это лишь пустая оболочка наподобие трупа, что лежит рядом со мной, – закончил наконец я, резко взглянув на труп.

Так я и решился. Решился, что просто так не сдамся и сделаю всё, чтобы этот неприятный инцидент навсегда исчез из моей жизни без свидетелей и продолжить жить нормальной жизнью.

Я стал рассчитывать все исходы. Если они так уверены, что убийца еще здесь, то значит подозрения могут упасть и на меня – маленького мальчика, что просто живёт один в доме. Я бы с удовольствием сбежал отсюда к себе в квартиру, и тогда я бы сбежал из зоны их досягаемости. Но из-за трупа сейчас я в ловушке, словно заложник этого дома, я не смогу сбежать отсюда пока не избавлюсь от трупа. Нужно что-то с этим делать, и как бы мне не становилось приятно на душе, когда я смотрю на эти глаза, но я всё равно так или иначе должен как можно скорее избавиться от трупа. Но как мне это сделать у всех на виду? Для начала нужно разобраться с тем, какая обстановка вокруг происходит с полицейскими. А для этого я должен выйти на улицу и проанализировать ситуацию.

На удивление сегодня было особенно тепло и даже жарко. Не успел я выйти на улицу, как уже наткнулся на полицейских, вся улица прямо-таки кишела ими. По району то и дело разъезжали полицейские машины. Я принял удивлённое выражение лица, словно я такого совершенно не ожидал. Вряд ли кто-то наблюдал или видел меня в тот момент, но я чётко следил за своим выражением лица, чтобы уж точно не дать кому-то подумать, что я причастен к этому делу. Я развернулся от дома и направился к тому месту, где произошёл инцидент. По началу я испугался, увидев большое скопление полиции, однако я должен был узнать главное – были ли там камеры видеонаблюдения. В голову взбрела мысль, что если

я свободно и без какого-либо скепсиса подойду к ним, чтобы рассмотреть наличие камер, то ко мне будет ещё меньше сомнений. И правда, подошёл был виновный в убийстве человек к следователям напрямую? Да и еще, чтобы подойти к ним обоснованно, спрошу их о том, что произошло. Так я тогда и сделал. Сейчас же я диву даюсь, как я дошёл до такой идеи. Полицейские тут же покосились на меня, может быть из-за моего глупого выражения лица, но они, кажется, ждали, что я что-то спрошу. Тогда я задал какой-то глупый вопрос по поводу произошедшего, увидев, что я ещё совсем дитё, стали отводить меня от места происшествия, где они нашли кровь и объяснять, что всё в порядке. Мне было как-то плевать, чего они там мне заливали, но я увидел то, ради чего я, собственно говоря, сюда и пришёл. Камера действительно висела, и её поле зрения даже попадало на место, где была найдена кровь. Тогда я так сильно испугался и напрягся, что если бы в эту минуту на меня посмотрели полицейские, то уж точно что-то бы заподозрили, однако... Раз они так спокойно меня успокаивают и не имеют ни взгляда подозрения, то всё в порядке. Вероятно, они зафиксировали на камере лишь случай убийства, но кто или что это было, у них так и не получилось выяснить, из-за того, что всё происходило глубокой ночью. Но почему они не разместили записи по телевидению? Цензура? Нет, здесь явно что-то другое... Уж граждан они точно бы предупредили, да и поиски себе бы упростили, но они не сделали этого. Почему? Вот

оно что, они бояться испугать меня, чтобы я не сбежал отсюда куда-либо еще. Бояться, что я знаю, что меня зафиксировала камера, и я сбегу. Умно. Конечно же я сбегу, но я не боюсь. И вам это в лишний раз докажу.

Вернувшись домой, я стал разрабатывать план действий. Труп я решил спрятать в шкаф на чердаке, туда всё равно никто не лезет без особенной надобности, так что о запахе там все забудут, да и его просто никто не обнаружит. Однако всё же за собой пришлось обрызгивать лестницу и протирать её от грязи, которую я совершенно не видел, но если она там и была, то я себя оберёг. После чего я спустился и с тоской на душе открыл дверь в подсобку. Там мне нужны были две вещи, на одну из которых я делал огромную ставку, а ставка именно потому, что от вещи могли избавиться спустя столько времени с того момента, как она была сделана. Спустившись наконец в подвал, я включил свет, тот включался довольно медленно словно из-за того, что сюда уже давно никто не входил и не включал свет. Мне не пришлось искать: фигура стояла прямо передо мной. Пугало. В этом посёлке обычно всё-так скучно и бесформенно, что люди только и живут только вокруг своей земли, а на остальное наплевать, словно весь остальной мир это закрытая для них область, где им запрещено ходить. Мы хотели привнести праздник в это место, в городе постоянно празднуют какие-либо праздники, вероятно лишь потому, что людям просто не хватает фантазии, чтобы чем-то себя занять в своих коморках, а поэтому

выходят и празднуют дни, в праздновании которых совершенно нет никакого смысла, и придуман этот праздник был только для развлечения скуки людей со слабой фантазией. Но так или иначе, в гнетущей скуки местного поселения не было ничего хорошего, так что почему бы лишний раз не подурчиться и не создать праздник для людей? Так мы и решили. Мы собственноручно смастерили чучело или же пугало для масленицы, чтобы собрать кучу народа вокруг него и сжечь. К сожалению, из-за внезапного отъезда родителей планы сильно изменились. Теперь это пугало будет использовано для моего побега. Изначально пугало использовалось для того, чтобы отвлекать на себя ворон и прочих паразитов, которые покушаются на грядки и еду. Сейчас я взаперти из-за прочесывающих территорию полицейских, но в том числе из-за трупа. Я возьму оба фактора в свои руки и соединю их вместе, чтобы воплотить в жизнь свой план побега. Я засуну труп в чучело, размещу его посреди кукурузного поля и подожгу. Полицейские, очевидно, отвлекутся на него, а я пробегу по кукурузному полю и сбегу. Так я убью двух зайцев одним выстрелом. Сложность лишь обстоит в том, чтобы посреди ночи незаметно прошмыгнуть до кукурузного поля и разместить там чучело, наполненное трупом. Не знаю, как мне это удастся, буду импровизировать, потому что по-другому у меня просто не получится отсюда сбежать! Зато мне повезло с огнём, ибо канистра с горючим лежит в подвале на блюдечке с голубой каёмочкой! Я уж было потянулся рукой

к пугалу, чтобы начинать исполнять план, но вспомнил важную деталь, о которой я совершенно не позаботился во время убийства этой бедной женщины. Я не должен оставлять отпечатки своих пальцев.

Сбегав за перчатками на первый этаж, я сделал крупный разъем в пугале для трупа, а после вытащил его на первый этаж в коридор и стал отдыхать. Я сел на тот же стул, за которыми я обедал утром, сидя напротив трупа. Тишина давила мне на вески. Ещё с детства у меня существует такая проблема, что я никак не могу воспринимать тишину. Когда я был совсем ребёнком – тишина вызывала у меня панику. Да и сейчас, в каком-то смысле, мне становится очень неприятно от тишины.словно всё существующее бросило тебя, а может ты даже умер. В общем, не люблю я тишину. Так я решил включить телевизор, чтобы отбить тишину из своей головы. Я совершенно не обращал внимания на то, что шло по телику, я пытался сосредоточиться на завтрашнем дне. Тогда я еще не понимал, что именно показывал мне экран, но когда до меня донёлся знакомый лейтмотив одной песни, то я сразу распознал в нём тот самый мультфильм про мамонтёнка. Ещё тогда этот мультик вызывал у меня сильную грусть и даже слёзы, но что самое главное, сострадание к мамонтёнку. Может быть тогда я и мало думал о происходящем вокруг меня, да и, справедливости ради, вообще мало соображал. Но уже тогда была установлена сильная близость с родителями. Я воображал ситуацию мамонтёнка на себе, и

мне становилось уж очень тяжело внутри себя. Этот просмотр не оказался исключением, когда до моих ушей дошёл текст песни, то я уже совершенно не мог сосредоточиться на своих мыслях по поводу дня.

—

“Ведь так не должно быть на свете, чтоб были потеряны дети...” – доносилась музыка с экрана.

Я проникся этой песней. Будто опомнившись, мне стало жутко стыдно перед родителями за то, что я сейчас планирую делать. Слёзы из моих глазах полились, когда я вновь вспомнил о том, что родители, так или иначе, непосредственно причастны к тем пакостям, что я сейчас совершаю. Больше всего мне было стыдно от того, что родители меня так сильно любят и верят в меня. Они считают, что я высокий человек – достойный высоких целей. Это меня больше всего и корбило. Но больше всего я опасался того факта, что однажды они узнают о моих злодеяниях. Что сейчас я скрываю от них всю свою злодейскую сущность, пока они находятся далеко отсюда и верят всем сердцем в своего сына! Проронив очередную слезу в омрачённом настроении, я стал в очередной раз жалеть о том, как построен этот мир. Почему... Почему родители должны быть в ответе за мои поступки! Ведь это был мой выбор, меня воспитывали, как прекрасного и доброго человека. Мои родители всегда были добры ко мне и очень любили меня. И я их очень сильно люблю, пускай и о них толком ничего не пишу в своём дневнике. Именно

поэтому я это и делаю. Мне не хочется связывать их с тем дерьмом, что со мной сейчас происходит. Я не хочу порочить их доброе имя своей грязной от крови физиономией! Этот дневник также испачкан. Это мусор моей души, который я выплеснул из себя, и они никак не должны были быть замешаны в это, но я вновь их втянул! За это я себя ненавижу и вновь корю современную систему морали за то, что за происки своих детей, которые сами ступили не по тому пути, должны отвечать и принимать весь удар на себя родители! Они это не заслужили. Только не они.

Пока я рыдал в помутнении от сыгранной по телевизору песни, кто-то позвонил в звонок двери. Я опомнился и сильно напрягся. За моё сердце будто кто-то только что схватился, да с такой силой, что я был близок к тому, чтобы умереть от испуга. Я вскочил, отбросив стул куда-то в сторону, и рассматривал в зрачок того, кто стоял за дверью. Это были полицейские! Меня настигла паника. Они попросили меня впустить их внутрь, но я не сделал это, да и не сделал бы! Уж лучше умереть, чем впустить их и сдать, так и не поборовшись с ними своим коварным трюком с пугалом. С минуты на минуту я должен был придумать правдоподобную отговорку в своей голове, чтобы не дать им войти внутрь! Время тикало, а мыслей в голове так и не появилось. И тут меня словно с цепи сорвало, и я просто испуганно прокричал в дверь слова, которые в мозгу даже не проговорились и не обдумались.

—
«Взрослых нет дома!» — прокричал я, не подумав.

—
«Хорошо», — провозгласил спокойным голосом полицейский

—
“Сработало!” – обрадовался я, словно почувствовал влечение к жизни, как будто мне дали второй шанс.

Тогда я был ближе всего к провалу. Как я и думал, мозг всегда делает всю работу лучше за нас, чем мы сами. И, однако, какая отговорка... Просто гениально! Ёмкая фраза, но абсолютно точно подходящая для такого случая. Очевидно, что они пришли расспросить по поводу убитой женщины, но так как за дверью стоит просто испуганный ребёнок без родителей, то им просто не остаётся ничего сделать, кроме как оставить этот дом в покое. Просто невероятно, отлично придумано!

—
“Ведь так не должно быть на свете...”

—
Какие же гадкие вещи я делаю...

День 8

29 марта

Будильник прозвенел, и я вскочил с кровати. Наверное, я расписываю дневник, как будто я бегаю прямо с ним в руках и пишу происходящее попутно самому происходящему. А читатель будет думать, что действия как будто бы только сейчас происходят, но это не так. Вероятно, к большому сожалению, должен сообщить о том, что сейчас я в квартире и я... если так можно, конечно, выразиться, в порядке. Хоть и не совсем так, но я жив и меня, кажется, никто не преследует. Сейчас я чрезвычайно переполнен уверенности, но и также сильного стыда к себе. Но прежде я должен описать, что случилось, и как прошёл мой план. За все последствия, что произошли в этом переполохе, о которых я еще знать не знаю, я себя никогда не прощу...

Итак, меня разбудил будильник. Я вскочил с кровати и на всякий случай проверил время. Три часа ночи. Отлично. Через час начнёт вставать солнце, так что действовать надо быстро. Конечно, я мог сделать всё в час ночи или в два ночи, но мне было страшно, я думал, что в час ночи здесь еще будет полным-полно полиции. Два часа неплохой вариант, но мои действия требуют хорошей работы моего мозга, поэтому разум должен быть ясным, мне нужно было выспаться. Поэтому я решил, что три часа ночи лучший вариант из

перечисленных. В очередной раз хватаясь за поручни, чтобы спокойно спуститься по лестнице, меня сильно ударило током. Такую тенденцию в этом доме за три дня я уже давно заметил. За чтобы я не схватился, меня всё время бьет током. Я стал слегка переживать из-за времени и собрался быстро спускаться, но вдруг одна из моих ног на ступеньке поскользнулась, и я кубарем полетел вниз по лестнице. По каждой ступеньке я ударялся спиной. После произошедшего я просто лежал и пытался перевести дух. Когда я слетел с первой ступеньки, то моё сердце сжалось от страха. В эту секунду я понял, как же сильно я переживал, что что-то может пойти не так. И это было не без основательно. Стоит мне только просчитаться в одной вещи, и я запрыгиваю обоими руками в кандалы.

Вставая, у меня жутко болела спина, было даже ощущение, что я её сломал. Но отложив все мысли о боли в спине, я побежал в подвал. На этот раз я спускался уже куда спокойнее, чтобы вновь не свалиться с лестницы. Я шёл медленно и осторожно. Наступая на последнюю ступеньку, в моей голове возникла мысль, что сейчас я вновь свалюсь. И ведь чуть так и не вышло! Наступив на эту ступеньку, я слегка соскользнул с неё, но все же смог удержаться. Я улыбнулся такой поставе судьбы, а после развернулся на 90 градусов и стал рассматривать все ингредиенты для моего будущего отвлекающего манёвра. Всё было на месте. Мой план состоял в том, чтобы одновременно отвлечь полицию и поисковую группу

на горящее пугало, а также избавиться от трупа, сжигая его вместе с пугалом. Если всё получится, то у меня есть большие шансы на спокойную жизнь. Первым делом нужно было заняться трупом. Я взял с полки бутылёк одеколона и стал обрызгивать им трупа. Кажется, у него уже наступила стадия гниения, или как она там называется, но от трупа нехило так воняло. Нужно было обрызгать им весь труп до единого, но прежде... Я схватил перчатки и надел их, вспомнив о том, что на одежде до сего момента я оставлял отпечатки пальцев, я стал раздевать женщину, лежащую передо мной. Словно марионетка в моих руках, она двигалась за счёт моих рук. С кофтой и обувью я расправился быстро, но на очереди были брюки, которые мне оказалось снять сложнее всего. Мало того, что они очень плотно сидели на ногах трупа, так и еще когда ты не в состоянии контролировать ноги, и они, словно как два бревна, совершенно неподвижны, то снять с этого штаны вдвойне сложно. Наконец я закончил, труп остался лишь в нижнем белье. Я долго думал о том, что я должен делать с оставшейся одеждой, но чисто из-за уважения к погибшей, именно что, как человеку, я не стал раздевать её далее. Тем более, в этом не было нужды. Отпечатки я оставил лишь на верхней одежде. Всю одежду я складировал в рюкзак, собственно, как и небольшую канистру с бензином. Я не смог бы тащить и чучело с трупом внутри и канистру в другой руке. В помощь мне пришёл рюкзак, который также поможет мне незаметно избавиться от всех вещей женщины.

В последствии я скорее всего их сожгу где-нибудь, когда со всем разберусь. Но пока их нужно хорошенько припрятать и не привлекать ими к себе внимание. Уж тем более нельзя, чтобы кому-то попала эта одежда в руки.

Далее, по плану, я должен был просто всунуть труп в пугало, но до меня вдруг дошло, что именно я уже делаю не так. Если я хотел сжечь труп, то нужно преждевременно облить бензином сначала труп. Даже когда я оболью бензином куклу из сена, а затем подожгу, то труп будет гореть с трудом. Нужно, чтобы горел и труп, и чучело. Поэтому я вытащил канистру из портфеля и стал аккуратно обливаться труп, а потом перевернул его на другую сторону, чтобы облить его бензином и со спины в том числе. Бензином пахло не дурно, но я всё равно чувствовал неприятный запах гниения. Я схватил одеколон и стал обрызгивать им всего трупа, чтобы хоть как-то перебить запах. Я уже опрыскал весь бутылёк, но запах, вперемешку с запахом бензина и запахом одеколону, всё равно пропускал запах гнили. Нужна была тяжёлая артиллерия. Я быстро поднялся по лестнице, а после спустился с двумя баллонами дезодоранта. Я набрызгал им во всю обойму, и теперь запах был настолько острый и отвратительный, что мне пришлось дышать ртом, пока я работал.

Схватив труп, я, приложив некоторые усилия, всунул его в чучело, а после стал быстро завязывать куклу с той стороны, где была до этого дырка. Затем одел рюкзак и стал поднимать чучело на плечо, как вдруг на меня резко стало обиль-

но капать бензином. Громко ругнувшись, я быстро поднялся по лестнице, открыл дверь и тихо прошмыгнул в кусты на улице. Я стал осматривать обстановку. Думаю, мне придётся на время отступить от событий с пугалом и объяснить, читающему этот дневник человеку, для чего именно я так отчаянно скрывал отпечатки пальцев. У пугало думаю, итак, понятно, но зачем я раздевал женщину? Когда я её хватал, на её кофте, брюках и ботинках остались мои отпечатки. Я не считал свой воплощаемый в жизнь план безупречным, так что в случае если чучело смогут быстро потушить и достать оттуда труп до того, как он сгорит, то я избавил себя от возможности обнаружения с помощью отпечатков. Возвращаясь к происходящему.

Выбежав на улицу, я рассматривал всю территорию посёлка. Ночью это место было особенно завораживающим, возможно потому, что я гулял ночью в этом районе всего второй раз. Всё, что я могу увидеть, это: две патрульные машины, пару стражников порядка, что светили фонарями в разные стороны, и какие-то два парня в странной одежде нулевых, напоминающих то ли детективов, то ли каких-то следователей. Я пригнулся в траве и стал разрабатывать свой маршрут до кукурузного поля. Оно находилось за пять метров от моего дома; приблизительно где-то так. Я вскочил, приподняв чучело, которое, как оказалось, получилось в сумме вместе с трупом очень тяжелым. Я побежал до ближайшей припаркованной рядом с чьим-то домом машиной. Пока я бежал, я

увидел, как из-за машины поднимается чья-то голова. Нырнув под машину, я смог тихо приземлиться рядом с её дверкой, чтобы спрятаться за ней, от наблюдавшего рядом, но вот чучело ударилось о машину из-за чего вызывало довольно громкий шум в такую тихую пору. Объект наблюдения подошёл ближе к машине, будто высматривая источник шума. Я закрыл рот рукой и задержал сильно дыхание, чтобы мою громкую отдышку после небольшой пробежки с рукодельной работой не было слышно. Задыхаясь от нехватки дыхания, я услышал, как этот мужчина стал обходить машину, я резко привстал и стал обходить машину вслед за ним, прячась уже за капотом, чтобы он меня не услышал. Он осмотрел дверку и с глупым выражением лица развернулся к тому месту, где он стоял до этого. Я не мог вернуться к той дверке, но и здесь сидеть я дальше не мог. Ведь, такими темпами и утро наступит! Я принял отчаянный шаг и постучал по машине. Мужчина возмутился и пошёл ровно туда же, где я произвёл источник шума. Я напрягся от его чересчур резких действий, которые могли бы привести к тому, что он вот-вот бы меня спалил! Я мигом на корточках оббежал машину и побежал в сторону тростникового поля, от которого было примерно 2 метра до кукурузного поля.

—
“Кто здесь?!”, – нервно прокричал мужчина.

Я со всех ног побежал в кусты, выкинув в сторону пугало, прыгая в кусты рядом с ним. Мужчина, к моему несчастью,

оказался полицейским. Кажется, в темноте ему было очень плохо видно, и он ориентировался на слух. Включив свой длинный фонарь, он пошёл в сторону шума. Я отползал и проталкивал куклу в бок, чтобы как можно скорее отдалиться от полицейского и приблизиться к кукурузному полю. Полицейский шёл по траве и светил фонариком под ноги. Если бы он нашёл на меня, то мне была бы крышка! Он проходил ровно в метре от меня, и благо он не стал светить ровно в ту сторону, где лежал я. Он прошёл далее. И я могу сказать наверняка, еще бы чуть-чуть, и из моего сердце бы брызгало кровью от перенапряжения! Однако полицейский был еще рядом... Я опёрся одной рукой о землю, другой схватив пугало под подмышку, я пополз на коленках по траве в сторону кукурузного поля. Оно было очень высоким и густым, поэтому скрыться там будет намного легче. Вдруг полицейский развернулся, и я тут же вместе с чучелом полетел на землю. Он что-то протараторил себе под нос, кажется какой-то номер, а его следующие слова я уже разобрал.

—

Кажется, тут что-то есть

Я испугался и развернул голову в ту сторону, где я до этого видел полицейских с фонарями. Свет нескольких фонарей резко повернул в другую сторону и стал увеличиваться.

—

“Черт! Они идут сюда!” – заистерил я, но продолжил ползти на коленках в сторону кукурузного поля.

Полицейские приближались быстро. Я то и дело, да ронял на землю чучело, но тут же поднимал его и продолжал ползти дальше, пока полицейские не пришли к полю, где полз я, и рядом где-то мельтешил другой законник. Я резко остановился и решил посмотреть, как они дальше будут поступать. Они о чём-то зашептались, а после разошлись в разные стороны поля. Я должен был двигаться быстрее, иначе они в скором времени бы настигли меня. Я продолжал бежать в траве на корточках, озираясь по сторонам, чтобы меня не настиг этот смертельный луч, будто если бы он прошёлся по мне, то он бы просто сжёг меня насмерть. Но, кажется, эти ребята совершенно потеряли надежду найти кого-либо в этих кустах и просто шли, светя фонариком хаотично в разные стороны, толком даже не смотря на траву. Я воспользовался этим шансом, выбежав из травы, неуклюже вбежав в кукурузное поле. Я не терял ни секунды, поставил пугало на стойку, глубоко втоптав его в землю. Резким движением руки я раскрыл портфель и достал оттуда канистру с бензином. Отстранив крышку куда-то в сторону, я облил всё чучело бензином, а после схватил крышку с земли и закрыл канистру. Сложив её в рюкзак, я надел портфель обратно на спину, достал спичку и зажёг её. Ни секунды не смотря на неё, я швырнул её в чучело. То резко воспламенилось, и это крупное и яркое пламя поразило меня до глубины души. Пару секунду я и с места сдвинуться не смог, просто смотря на него и поражаясь красотой извивающегося огня, но потом вдруг вспомнил,

что я поставил на кон. Резко обернувшись спиной к пугалу, я сорвался с места и, стремительно разбежавшись, прыгнул в сторону кукурузы, совершенно не боясь боли. Я собирался тихонько ползти до леса, чтобы оттуда уже пешком сбежать с посёлка, но вдруг обратил внимание, на лежащее рядом со мной бельё и одежду. Я выронил его пока доставала канистру из портфеля! Я выхватил портфель, громко и небрежно раскрыв его, достал канистру и открыл её, уронив крышку, даже не видя, куда она падает. Я просто выливал всё содержимое на одежду, но при виде бегущих полицейских к огню, я просто бросил на землю канистру открытым отверстием к низу и побежал в сторону, доставая спички. Я зажёл ещё одну спичку и точно также швырнул её приблизительно в то место, где секунду назад я разлил бензин. Кукурузное поле воспламенилось ещё сильнее, да так, словно это место взорвалось и покрылось большими языками пламени, но при этом никакого звука взрыва не прозвучало. Совершенно испугавшись своих действий, я просто нырнул под кукурузу и стал ползти к лесу. Я услышал, как полицейские прибежали к чучелу и стали орать что-то невнятное в истерике. Я обернулся и видел, как стремительно распространялось пламя по полю, оно настигло и меня, но я просто не мог встать и побежать, так как в двух метрах от меня стояли полицейские, я просто не мог им раскрыть себя! Я полз, несмотря ни на что. Огонь уже приблизился ко мне, и я почувствовал, как же жарко стало вокруг. Огонь стал по-настоящему обжигать

меня, но я продолжал ползти несмотря ни на что, но уже намного быстрее, чем до этого. Физическая подготовка у меня никакая, но под страхом смерти я полз особенно быстро. на уровне солдата в армии, а то и лучше. Я уже обжог себе все руки и всю левую щёку. Мои глаза болели от сильного жара вокруг меня. Когда я понял, что до леса оставалось всего ничего, а полицейских уже скорее всего совсем не заботит моя физиономия, я просто вскочил с места, при этом пригнув голову, и побежал до леса, где я в итоге и скрылся.

После этой заварушки мне еще сильно давило на виски, голова сильно разболелась, а глаза болели так, словно они сильно высохли и съежились от жгучести. Мне было особенно тяжело смотреть на дорогу и был такой эффект, как будто я не сплю уже два дня, мои ноги меня уже не держат, я сейчас вот-вот упаду и лягу спать. Но я держался, шатаюсь из стороны в сторону, я дошёл до какого-то ближайшего магазинчика и вызвал себе такси, чтобы добраться до дома. Желательно было бы, конечно, идти пешком, чтобы не навлечь на себя лишних глаз, но как-то я сомневаюсь, что мне бы удалось дойти. Когда я сел в такси, то я просто откинулся головой на зеркало и лежал так до самого конца пути. Я ни о чём не думал. Стоило только воздуху дунуть на мою щёку, или рукой дотронуться до чего-либо, то было очень странное чувство. Не то боль, ни то моя кожа более не дееспособна. Будто бы когда я нажимал сгоревшем пальцем до чего-либо, то моя кожа, словно бумажная, прогибалась под давлением,

и я чувствовал именно свой костяной палец. А может так разыгралась тогда моя фантазия. Сейчас же, когда я дотрагиваюсь до щеки, то ощущения такие, словно мой палец кто-то прокалывал сто раз тоненькой иголкой во всех его частях, и теперь я чувствую такую необычную боль. Так вот, насчёт дороги. Я ехал и буквально ни о чём не думал. Я словно тогда уснул с открытыми глазами и не соображал, что я видел, что я только что сделал, и что со мной будет. Только когда меня несколько раз окликнул водитель, я слегка опомнился и вручил ему сочную пачку денег, а после вышел из машины. Доковыляв до двери, я вошёл внутрь. Отбросив портфель, я упал на кровать и пролежал в таком положении добрых 3 часа. Мне не хотелось ни спать, ни думать, ни есть, ни пить, ничего я не хотел. Я просто лежал без доли мысли, умерев как личность, пялясь только в свою подушку вверх ногами.

Вскоре до моего разума стала доходить суть моих действий. Теперь я даже не мог просто лежать. Я настолько не мог стерпеть своих поступков, что стал оценивать ситуацию, а точнее, что именно произошло. Я винил себя прежде всего в том возгорании на кукурузном поле, которое я сделал из-за своей несобранности. Мы ведь специально смастерили с родителями стойку, чтобы не было никакого пожара... Мы так улыбались, когда это делали... У них были такие благие намерения... Мы хотели привнести людям счастья, а я решил одарить их лишь горем и страданиями. Я опять всё испортил, снова испоганил всё причастное к ним! Простите

меня...мама, папа. За всё то, что сторит из-за меня, я буду винить прежде всего себя.

День 9

1 апреля 2016 года

Знаете что? Пошло оно всё нахрен! Да, в жопу всё это, что я начал, будучи глупцом, и не видя всей правды. Я начал этот дневник думая, что я не смогу выбраться из этого дерьма! Что я совершу убийство и не выдержу накала, что меня поймают и будут обвинять во всех смертных грехах. А этот дневник был лишь оправданием моей беспомощности перед лицом бескомпромиссного будущего. Моего отчаяния...

Но теперь-то я уверен в себе! Все те испытания, что встали передо мной... Они в прошлом! Я смог пройти всё это и выжить. Выйти сухим из воды! И да, пускай я наделал много ошибок ранее, и да, бесспорно, именно я в них виноват. Именно я убил эту женщину, совершил этот поджог, но всё это в прошлом. Теперь я начинаю новую жизнь, забыв обо всех заботах и страхах. Теперь ничто меня не сокрушит. Больше никаких убийств, никаких беспочвенных выходов, и никаких дневников! Обычная жизнь, обычного мальчика... Так я и сделаю... Я смогу. Смогу.

День 10

13 апреля 2016 года

Безусловно, меня можно назвать дураком. Пускай я говорил, что более не буду заполнять дневник, но новые обстоятельства в моей жизни просто вынуждают меня делать это. После сегодняшнего дня я по-настоящему узнал, насколько велико вожделение моего разума к убийствам. Похоже, что близиться час, когда я вновь убью. Без лишних слов стану объяснять, что происходило за все эти две недели, и что именно произошло сегодня.

Начнём с того момента, как я забросил заполнение дневника. Пройдусь поэтому кратко. После моего побега в новостях стали трубить о крупном пожаре. Задело несколько домов, полностью сгорели поля, и сильно задело леса. Полиция сообщила о том, что в пугале нашли труп. Когда я впервые услышал эту новость, то меня всего перекосило. Ведь я надеялся, что труп сгорит! Но каково было моё удивление, когда я понял, что чтобы сжечь так подчистую труп, нужны очень большие усилия. Первое время я сильно нервничал, ведь от испуга своей огромной ошибки, я вспомнил важное: я оставил отпечаток на её лице, который никак не стирал. Я просто о нём забыл, но, к моему счастью (хотя радоваться такому совершенно непристойно), на сгоревшем трупе невозможно было опознать отпечатки пальцев. Однако, факт под-

твердился, виновник торжества действительно присутствовал в посёлке. Они смогли определить по очертаниям, что это подросток.

Как бы я не боялся этого факта, но за две недели со мной так ничего и не сделали. Я не видел, чтобы меня кто-то преследовал, меня никто не допрашивал, никто не сковывал в наручники и не садил за камеру. Казалось бы, успокойся, да живи спокойной жизнью. Но нет, за все две недели мне очень плохо спалось. От силы я сплю по 11-12 часов в неделю. Когда же мне удаётся заснуть, то мне сняться жуткие кошмары, где я вижу эти чертовы бледные глаза той мёртвой женщины. Я не могу ничего с этим поделать, всё чаще и чаще они приходят ко мне уже не только во сне, но и в реальной жизни. Чтобы вам стало яснее, я опишу вкратце всю неделю вплоть до сегодняшнего дня, который будто открыл мне глаза на всё то, что происходит в последнее время.

За всю эту неделю со мной происходило много странных вещей, но больше всего мне хотелось рассказать о видениях, которые я стал видеть впервые. Эти видения длятся всего секунду, но каждый раз это секунда, словно отточенный острый нож – заходит прямо глубоко в сердце. Так происходило постоянно. То я сижу и качаюсь на качели, которая скрипит так, будто тяжёлый человек на виселице только что вскинул стул, а его тело, из которого вышел тот огонь жизни, качается из стороны в сторону после резкого толчка, буквально-таки совершая действия из загробного мира, передо мной на

секунду мелькают вплотную эти бледные глаза. Ранее в душе моей был сильный зной от скуки и потери тех самых глаз, на которые я мог смотреть бесконечно те два дня, что пролетели как две минуты, со временем он лишь усиливался, но в один миг этот зной просто пропал. На его место пришли пугающие видения, эти глаза словно пытались завладеть моим разумом, а я и не был против. Или, например, другая ситуация, как я стою в душе и моюсь, поднимая из дырки в ванне душ, он издаёт такой громкий дребезжащий звук, которой показался мне сильно похожим на звук ломающихся костей, когда я пробил грудь той женщине своим ножом. Сравнив эти звуки, передо мной стали вновь мелькать эти глаза. Только уже намного чаще. Секунда проходила снова, и снова, и снова, и снова. Казалось, что передо мной вплотную проигрывается сцена, как глаза мёртвой женщины открываются и пытаются проникнуть в мой разум. Другая ситуация, иногда батарея начинает жутко скрипеть и стучать, словно какой-то человек застрял в тонкой трубе, по которой он захотел проползти, но он застрял и не может двинуться, а эти звуки – его отчаянные попытки привлечь к себе хоть какое-то внимание, заставляют меня посмотреть в окно, чтобы отвлечь хоть на минуту себя от этих мыслей, и я вижу луну. Яркую, бледную, светящуюся. Она столь сильно завораживает мой взор, что я просто не могу отвернуться и смотрю на неё, наполняя свою голову различными размышлениями о жизни, но вдруг, луны становится две, они светят еще сильнее и

как-то более охватывающее разум, мне кажется, или они так сильно похожи на глаза? Бледные глаза... Эта женщина резко появляется передо мной в облике мстительного духа, что пришёл меня покарать. Она будто бы схватила меня за глотку и заставляет смотреть в её глаза. Как только я увидел эту женщину перед собой, то я почувствовал леденящие душу мурашки по телу, но потом, долго не насытившись, видя перед собой эти два луча луны, я вождедею в том, чтобы эти две луны превратились в два бледных глаза, на которые я мог бы вновь смотреть бесконечно. Я чувствую, как мне не хватает этого! Эти белые глаза... Меня пленит, меня раздирает на два куска, когда они появляются на мгновения передо мной. И страшно, и приятно.

Положительные чувства от этих постоянных видений, конечно, можно было получить. Но это как еда. Ты очень голоден, а еды нет, поэтому ты можешь откусить старый кусочек затвердевшего хлеба, но по итогу ты лишь сильнее дразнишь свой голод. И если бы всё так и оставалось, но всё стало лишь хуже. Сильное вождеделение моего разума вновь получить желанные глаза разыгралось не на шутку. И пиком всего этого мучения стал сегодняшней день. Сейчас мне сложно сосредоточиться на письме из-за трепещущей меня проблеме в организме, к которой я подведу позже, но могу лишь сказать, что столь сильного помутнения разума у меня не было никогда.

Началось всё как обычно. Водные процедуры, выход на

улицу. Погода сегодня была особенно отвратительная. Стоял сильный ветер, из-за этого очень часто бил песок в глаза. Приходилось идти, приподняв руку перед лицом. То и дело зонтик, который я взял на случай дождя, дёргалось из стороны в сторону от сильного ветра, и меня это то и дело, да выбишивало... Наконец, дойдя до школы, я мог насладиться тишиной и покоем. Спокойно переодевая сменку, я совершенно не обращал ни на кого внимания, и уж тем более не смотрел никому в глаза. Я переоделся, надел сменку, а после стал подниматься на урок. Настроение было отвратительное, мне не хотелось никому смотреть в глаза хоть на секундочку, я просто уселся за последнюю парту и упёрся в неё лицом, скрываясь, и сбегая ото всех. И от этого мира в том числе.

Когда же начался урок, мне всё же пришлось поднять глаза, и не прошло ни секунды, как я наткнулся на глаза нашей учительницы. Мир вокруг меня стал мигать. Пока мои глаза не стала застилать пелена с изображением. Всё было также, но при этом совсем по-другому. Я вновь видел глаза этой женщины, но теперь уже куда дольше. Ни секунду, а всё время... Окружение вокруг меня изменилось. Я видел лишь широко открытые глаза в застывшей позе. Они смотрели только в одну точку... Вокруг лица женщины всё было тёмным, но я видел белые точки, которые плавно падали на землю и перемещались в пространстве. Почему-то я сразу понял, что это была пыль. Но по каким-то причинам, также, как и глаза, они сильно светились белым цветом. Но... Что-

то в них было не так! Будто бы мой разум уже давно понял, что в них что-то поменялось, но я никак не мог заметить, что именно. Я бегал по разным кусочкам глаз, как вдруг, до меня дошло, что именно не так. Я уже давно это заметил, но не сразу дошло, что так не должно быть. В середине глаза была чёрная точка, несмотря на белую окружность вокруг неё. Когда до меня это дошло, то изображение тут же исчезло, но что-то так или иначе поменялось.

Я поднял взгляд на учителя и понял... У учителя были бледные глаза с черной точкой в середине. Даже с последней парты я смог это рассмотреть. Мои вены набухли, я весь напрягся и сжал руки в кулак. Мне стало трудно сдерживать себя. Эти глаза, которые я столь сильно желал – прямо передо мной! Почему бы не заполучить её. Встать и не подойти к учителю, чтобы рассмотреть глаза, а при надобности убить, чтобы и дальше продолжать смотреть на эти глаза... Нет! Я не должен этого делать. Я ни могу позволить показать всем свою истинную сущность... Я должен терпеть.

Именно такие мысли тогда были у меня, когда я пытался сдерживать себя, смотря на учителя, чьи глаза так странно изменились, больше походя на те глаза, о которых я столь сильно мечтал. На моём лице проявился злобный оскал и грозный взгляд исподлобья. Я сжимал свою руку в тески, чтобы хоть как-то сдержать себя от первородного инстинкта, как вдруг, боковым зрением я увидел, что кто-то из одноклассниц испуганно наблюдает за мной. Когда я это уви-

дел, то моя гримаса тут же сбросилась с лица. Будто бы весь мир стал рушиться подо мной, всё окрасилось лишь в тёмные тона, учебный класс сильно изменился. Парты с учениками так и остались стоять на месте, но вот всё остальное окружение... С минуту на минуту я разобрался, что происходит. Будто бы все вещи из класса переместились в какой-то странный гараж, слегка напоминающий мне подвал в нашем доме, но выглядел он более мрачно и жутко. Пыли стало больше, и она разлеталась сильнее, чем обычно. Издалека приглушённо раздался звук колоколов, возможно, церкви. Все ученики встали и направились кто куда, кто-то остался в классе, а кто-то ушёл. Но что странно, когда их глаза попадали в моё поле зрения, то они точно также светились и искрились вместе с чёрной точкой в середине глаза. Пот стекал по моему лицу, я испуганно, ни как помешанный, смотрел на них, вскочив со стула, отбросив его куда-то в сторону. Они все уставились на меня. Я испуганно бегал по их глазам и не знал, куда мне деться. Сердце внутри меня сжалось. Я посмотрел под ноги и ужаснулся. Всё вокруг было увалено голыми бледными трупами! Их глаза также светились белым, но точка в середине глаз была белой. Рядом с некоторыми трупами лежали дети и рыдали, просили о помощи господина и пытались сделать всё, чтобы вернуть к жизни убитых. Вдруг, одна из лежачих у доски стала пошевеливаться, а потом и вовсе встала, и грозно уставилась на меня. Мне стало особенно страшно. Издалека напротив меня сто-

яла та самая женщина, что сгорела в огне 2 недели назад. Её взгляд выражал гнев и отвращение ко мне. Она выставила вперед палец и показала им прямо на меня. Её глаза также светились не без бледного кружка в середине. Мне стало так страшно, что я уже не понимал – видение это или реальность. Я стал подходить ближе к женщине, указывающей на меня пальцем. Стоящие вокруг фигуры следили своими блистающими глазами вслед за мной.

–

Всё это твоих рук дело.

Я дёрнулся от ужаса на месте. Она заговорила!

–

Сколько бы ты не обманывал себя и не скрывал ото всех всю правду, но от самого себя не убежишь. Ты убийца. И будешь убивать ради своего удовольствия

–

«Нет!» — прокричал я в ужасе и схватился за уши, чтобы не слышать лжи из этой галлюцинации.

–

Хватит себя обманывать. Ты убил меня и убьешь их всех, разрушишь чужие жизни и семьи, только ради одной цели – подсластить своей жалкой и грязной душе.

–

Заткнись! – выкрикнул я ей в агонии, продвигаясь к ней уже куда быстрее.

Её взгляд был направлен в мои глаза. Еще никогда я не

ощущал такой груз вины за свои действия.

—

Нравятся мои глаза? Красивые правда? — заговорила она с тем же выражением лица, но каким-то манящим голосом.

Я подошёл к ней вплотную и встал напротив неё, бессильно свесив руки. Она стояла выше меня, как будто бы возвышаясь надо мной, будь это глаза живого человека, то я бы прямо сейчас умер на месте от сильного эмоционального давления. Мне стало так тяжело, когда я перемолол в голове, все сказанные слова женщиной, что просто потерял контроль над собой и, дёрнувшись с места, стал душить уже когда-то убитую женщину, что почему-то стояла сейчас передо мной. Я сдавливал её горло, пока я не услышал шум, крики, как кто-то бьёт меня по плечу, и как кто-то пытается оттащить меня от женщины.

—

Вот, кто ты такой. Ты тот, кто ты есть. И тебе этого никогда не скрыть.

Услышал я уже в своей голове голос, и всё стало резко меняться. Я снова оказался в своём классе. Но теперь передо мной уже стояла моя одноклассница, в чьём взгляде был такой пронзительный страх, что я даже не обращал внимание на толпу, отдирающую меня от напуганной до смерти одноклассницы, я стал гладить рукой её правую щеку. Я её уже не держал. Она остолбенела от страха, затем её глаза как-то нездорово стали смотреть в одну точку, а затем она упала без

сознания. Я стоял и продолжал смотреть на неё. Во всём мире для меня пропал звук, но постепенно он возвращался, и мир вокруг меня нормализовался. Я обернулся и вокруг меня стояла шокированная толпа одноклассников. Первое время их глаза были такими живыми, но оттого и отталкивающие, что мне было трудно на них смотреть. Но они были такими живыми... Но их глаза резко стали менять свой вид, у каждого из ошарашенного одноклассника стали бледнеть глаза и так странно дергаться, что я аж вздрогнул от проникающего в меня ужаса. Я более не мог этого стерпеть. До меня доходило, что я только что сотворил, что просто не смог совладать со своими нервами, дёрнулся с места и, выбежав из класса, громко хлопнув дверью.

Я бежал куда глаза глядят, выбежав из школы, я побежал до своего дома прямо в той одежде, в которой был в классе. Всю одежду, что я оставил в гардеробе, я просто взял и оставил. Погода стала еще жёстче. Ветер над головой выл, а дождь бил обильно каплями в лицо. На улице был самый настоящий шторм. Небо окрасилось в тёмно-синий цвет. Погода сегодня оказалась по-настоящему мрачной. Я бежал не останавливаясь, чувствуя, как кожа моих рук на морозе высыхает и трескается. Только когда я добежал до дома, я почувствовал, как сильно горит моё лицо руки от сильного холода. Я промок до нитки и весь дрожал, дрожал настолько, что попал чипом по замку лишь с четвертой попытки. Оказавшись в лифте, я нажал на кнопку своего этажа, а потом

просто упал на заднюю стенку лифта и покатился вниз по лифту, пока ноги не упёрлись о другую стенку лифта спереди. Так я лежал, бессильно думая о том, что я только что натворил, весь дрожа от холода и ужаса.

Прошло пару часов после произошедшего, мне стало чуточку легче. Хотя кого я обманываю, мне стало еще хреновей. Из позитивного: я перестал мёрзнуть. По мере поступления ночи ко мне пришла одна зараза, причём я не сразу это заметил. Долго не мог найти название этому в интернете, чтобы глупо не объяснять, что именно со мной происходит. Навязчивый контроль дыхания. Вот, что со мной произошло. По мере поступления ночи я всё больше и больше задумывался о намерении, которого я остерегаюсь, но понимаю, что мне от этого никуда не деться. Какое-то время я просто лежал на кровати и никого не трогал, я размышлял о произошедшем и о том, что меня ждёт. Как вдруг я заметил, что я дышу. Как бы так это объяснить. Когда ты просто дышишь и не обращаешь на это внимание, то дыхание поступает правильно и без всяких проблем, но когда ты подмечаешь этот факт, то тебе становится сложнее дышать, и ты будто бы задыхаешься. Обычно у всех нормальных людей эта проблема проходит за пару минут, но не у меня... Это длится уже четвертый час, я чувствую сильную нехватку воздуха и то, как я постепенно начинаю задыхаться. Голова кружиться, а лицо всё побледнело. Весь мир шатается...

Именно сейчас я понял, что всё это время со мной про-

исходило. После того, как я совершил покушение на жизнь той женщины, то весь мир обернулся против меня. Что если весь круговорот природы – ложь? Завет божий – “не убей”. Животные постоянно нарушают этот завет и убивают себе подобных, а потому теперь они бездушные “твари”, которые так или иначе, но гибнут каждый день. Сами посмотрите, как часто вы увидите такой случай, что животное в диком мире умирает от своей смерти? Не часто. На то она и дикая природа, что отошла от законов природы в угоду своих влечений. А теперь посмотрим на дуб или берёзу, какая разница. Никто никогда не называл дуб или берёзу тварью, поэты вечно ищут в них душу и скрытый смысл. Они живут себе спокойно и, не будь человека в этом мире, они бы все жили долго и умирали своей смертью. Потому что они никого не трогают и живут по правилам жизни и природы. Я нарушил этот закон, и природа обернулась против меня. Да что тут говорить, даже мой организм обернулся против меня. Как я и говорил, наш организм всегда всё делает лучше, чем мы сами. Если мы будем сами контролировать свой шаг, то мы будем ходить очень криво будто бы мы хромаем. Если мы будем сами контролировать дыхание, то кислород будет поступать не так, как надо. Так можно рассуждать бесконечно. В итоге природа обернулась против меня. Она обрушает на меня шторм, а дом, в котором я жил несколько дней, что полностью состоит из этой природы, постоянно пытался меня убить. Меня снова и снова билом током, я валился с лест-

ницы и падал очень оглушительно, но мне несказанно везло. Мой организм обернулся против меня. Он не доволен тем, что я нарушаю баланс природы, и даже он – я же сам, обернулся против меня и хочет, чтобы я покинул эту идиллию выстроенными нормальными людьми – не такими как я.

Но я не сдамся. Чтобы вновь обрести душевный покой, я должен сделать одно – заполучить вожаделенные глаза. И не нужно винить меня за мои намерения! Да, я сказал, что я заживу новой жизнью без убийств и безумия, но я пытался сделать всё возможное, чтобы до этого не дошло. Я регулярно пялился на свои серы глаза в зеркало, но это не работало... В них была видна фальш, что это бутафория... Я должен заполучить эти глаза. Не важно как. Просто должен.

День 11

13 апреля 2016 года

Я ворвался на кухню и схватил себе нож, да поострее. После чего положил его себе в портфель, а потом уже вышел на улицу. Я стремительно шёл по улице добираясь до места, где могут шататься люди, но при этом, где не будет так людно. Вдруг мой телефон в кармане затрещал, я достал его, чтобы взглянуть, кто звонит. Как и до этого – это была мама. Она целый день мне звонит. Будь я глупцом, каких поискать, то я бы обязательно ответил, но только не сегодня, после того, что произошло в школе. Очевидно, что директор школы или же мой классный руководитель уже сообщили ей о том, что произошло. Я отклонил звонок, и мне высветился основной экран телефона, где отображались все сообщения, присланные мне за весь сегодняшний день. Там было около 20 непрочитанных. Сначала она возмущалась и пыталась достучаться до меня, спрашивая, почему я не отвечаю, и что я такого натворил в школе. Но далее её оценка происходящего в сообщениях изменилась, и она стала волноваться. Она расспрашивала меня о том, что произошло, всё ли со мной в порядке. Уже ближе к ночи стали приходить сообщения с мольбой о том, чтобы я ответил на её телефон, и она вместе с папой очень сильно волнуется. Но сейчас она прислала новое сообщение, которое лишь убедило меня в том, что я

должен действовать быстро. Она сообщила мне о том, что они возвращаются обратно, и они очень взволнованны моим состоянием здоровья. Обратной дороги уже нет, и выбраться сухим из воды у меня уже не получится. Возможно, даже, что это мой последний рывок жизни, возможно, в скором времени из-за моих чересчур резких поступков и галлюцинациях, оборвётся. Либо в психбольнице, либо в тюрьме, либо по-настоящему. Разницы нет никакой, потому что моя жизнь уже перестанет быть моей жизнью. Она будет напрямую зависеть от кого-то другого, и у меня уже не будет власти над собою. Я буду жить по заветам другого человека. Да и какая вообще разница теперь? Я умер в тот момент, когда в голову впервые пришла мысль об убийстве.

Я подходил к крупному саду, что был расположен рядом с домом, где я жил. Наверняка там гуляет какая-нибудь сладкая парочка или просто одиночки-мыслители, которым жить не быть надо срочно выйти ночью в парк гулять. Я слегка растянул портфель и проверил там нож, чтобы мне как можно проще было его вытащить оттуда, когда я найду свою жертву. В этот раз я нашёл самый опасный нож на кухне, чтобы как можно быстрее лишиться человека жизни и не мучить его. Если бы я заранее планировал убийство, то я бы не за что не стал бы мучить его и растягивать его жизненный цикл мучений. То, что мне попался самый не эффективный нож для убийства именно в тот момент (когда я убил ту женщину) – простая случайность. Вообще, если говорить по фак-

ту, то для быстрого лишения жизни какого-либо человека я бы использовал пистолет. Но моя основная цель не убийство человека, а заполучить глаза, в которые я смогу спокойной душой смотреть. Для этого дела пистолет абсолютно не подходит, но для быстрого и эффективного убийства в самый раз. Незаметно исподтишка выстрелить ему в затылок. Человек даже не успеет потерять всю надежду в жизни, толком не успеет почувствовать боль, и в отличие от той женщины, которой я искренне сочувствую. умрёт человеком без мук, которой я искренне сочувствую. Но я не мог бы использовать пистолет по двум причинам: во-первых, в той ситуации, которой я сегодня оказался, получить пистолет просто невозможно. Во-вторых, если я незаметно выстрелю жертве в затылок, то может быть пуля и войдёт легко маленькой дырочкой, но вот со стороны лица будет взрыв. Тогда я лишился бы желанных глаз, а это мне не нужно.

Итак, я оказался в парке. Своими глазами я выслеживал жертву. В парке было всего несколько человек, совершенно нескромная компания, состоящая из трёх разодетых девушек, какая-то сладкая парочка, идущая по выстроенной около клумб дорожке. Я бегал между всеми людьми, что были в парке, глазами. На каждом из них я останавливался, и мой взор хаотично и дрожа увеличивался на этих людях, но когда я понимал, что этот человек не для меня, то я тут же отворачивался к другой предполагаемой жертве, пока я не остановился на одном грязном мужике, шатающемся из стороны в

сторону, с пивным пузом и обросшей головой с серыми грязными волосами. Он шёл куда-то в сторону леса. Несколько не обдумывая свои действия, я направился за ним.

Стремительно двигаясь в сторону бездомного, я, резким движением руки, достал нож из-за пазухи и спустил его к низу, рядом со своей ногой, чтобы в темноте нож сливался с ногой, и его не было видно. Я был всё ближе и ближе к нему, совершенно не заботясь о скрытности своих действий, в помешательстве, я просто грозно топал в его сторону и никак не мог остановиться или прекратить свои припадочные действия.

Но вдруг я понял, что этот бомж стоит в открытой местности. Я остановился и перестал так на него наседавать. Нужно было придумать какой-то план, чтобы он был ближе к кустам, что стояли неподалёку. Наброситься на него? Не вариант. Уж по массе своей он всяко больше и, наверняка, сильнее меня.

—

“Тогда остаётся только ждать”, – подумал я тогда.

Так я и сделал. Я стоял и ждал, когда он двинется с места, но он почему-то просто тарачился на небо и даже не шелохнулся. Руки чесались на него наброситься и зарезать прямо на месте. Предвкушение того, что уже скоро я смогу вновь посмотреть в эти глаза – очень сильно меня возбуждало. Огонь идеи сжигал меня изнутри, я начал топтать ногой от сильного напряжения. Как вдруг этот мужчина развернулся в мою

сторону и как-то испуганно на меня взглянул. Сначала я не понял, что меня выдало. Посмотрел на нож:

—
“Да вроде не видно”, — воскликнул я в исступлении.

Мужчина спустил глаза к ножу вслед за мной и еще больше испугался, и только тогда я понял, что именно могло меня выдать. От бесконечного желания поскорее покончить с ним, моё лицо вновь преобразило грозную маниакальную гримасу. Я стоял, вытаращив глаза на него, крепко ухватившись за нож. У того же, кажись, перехватило дыхание, и он даже не мог закричать, чтобы привлечь внимание свидетелей к себе. Он дёрнулся с места и побежал в сторону кустов, я тут же рванул за ним, сорвавшись с места, я бросился на него, и мы оба упали в кусты. Я дёрнул ножом, чтобы нанести ему удар, но он тут же ухватился за нож и не давал мне двинуться с места. Моя кровь была наполнена адреналином, мои движения перестали быть осознанными, и я просто выплеснул наружу всё то, что так сдерживал в себе. Желание убивать.

Я отмахнулся другой рукой от его паклей и с размаху врезал ему в лицо. Тот потерял координацию и отпустил хватку моего ножа. Я замахнулся над ним, схватившись двумя руками за нож, но тут вдруг мне пришла идея. Я осознал, какую ошибку я чуть только что не допустил. Как я могу себе позволить упустить такое удовольствие, давая насладиться этим лишь на секундочку, каким-то жалким ударом ножом.

Выронив нож из рук, я надел над мужчиной и схватил его

обеими руками за горло, и стал его душить, сильно надавив пальцами на его горло, между тем, смотря ему в глаза. В них была видна та борьба за жизнь, которая разжигала во мне еще большее желание не останавливаться и продолжать душить его. Маниакальным взглядом, я никак не мог на довольствоваться этим занятием, как будто я наконец заполучил то, чего так долго у меня не было, и я просто чувствую, как же сильно мне это нравится, и как я хочу продолжать это делать. Выпучив глаза, на моём лице расплзлась широкая улыбка. Я захихикал, когда впервые за долгое время почувствовал эрекцию, а после стал смеяться, как псих. Бомжара из последних сил старался вырваться из моей хватки. Он бил меня, хватал другой рукой за лицо и пытался выдавить мне глаза, но, несмотря на боль, я ловил настоящий экстаз от происходящего. Брызжа слюной, я восклицал и просил его не останавливаться, чтобы он и дальше боролся за жизнь. Я укусил его за руку, а после стал прилагать большие усилия, чтобы прогрызть плоть его руки. Я должен был избавиться от неё, ибо она загораживала взор на его лица. Я не мог увидеть, что он чувствовал.

Сегодня больше всего мне было интересно посмотреть на то, как жизнь постепенно покидает тело человека, и увидеть эту грань, когда в человеке еще есть душа, а когда она покидает его. Он продолжал дрыгать ногами и бить меня по лицу, другим частям моего тела в том числе. Каждый удар был как щекотка, лишь разогревал мою одержимость к тому, чтобы

сделать ему ещё больнее, чтобы его предсмертная гримаса на лице становилась лишь страшнее. Ещё пару секунд я мог насладиться этим мгновением, но потом мышцы на его лице ослабились, руки и ноги упали на землю. Мне было трудно различить на фоне грязного лица цвет его глаз, но когда его лицо во время удушья покрылось капиллярами крови, то мне стало видно, что глаза его голубые. Пытаясь отдышаться, я тут же схватил глаза этого человека. Мне показалось, что они хотели закрыться.

—

Не в мою смену

Вспомнив то, ради чего я проделал весь этот путь, я стал всматриваться в его глаза.

—

“Черт! Какой же я глупец... И о чём я только думал!”, — стал психовать я, колотя уже по мёртвому телу бездомного.

По какой-то неведомой мне причине, я совершенно забыл про тот факт, что глаза теряют свой цвет не так быстро, как хотелось бы мне — здесь и сейчас. В очередной раз я стал паниковать, оглядываясь по сторонам, надеясь, что никто не видел этого.

—

И о чём я только думал. Убить человека в столь открытой местности... Причем, рядом с другими людьми! Идиот ...”, —
вскричал я

,
не понимая

,
как мне дальше поступить

.

Похоже придётся идти ва-банк. Пускай сейчас и ночь, но убил я его в очень людном месте. Засечь меня здесь будет очень просто, так что придётся оставить его здесь. Для больше безопасности я перетащил его в более дальний густой куст. Затем встал и был шокирован тем, что я вновь смог дышать незаметно для себя. Но что самое удивительное, мне удавалось дышать без проблем даже тогда, когда я заметил это. Отвернувшись от мёртвого тела, я потащился домой. По сути, я должен был быть зол, ведь все мои надежды на душевное удовлетворение рухнули, но что-то как-то и не хотелось злиться. Мне не было тошно от самого себя, я не чувствовал какого-то раскаяния в том, что я вновь убил человека. Я... спокоен?

И постепенно до меня доходило почему всё обстояло именно так. Я ясно понял, что по итогу я получил то, чего мне хотелось. Я успел насладиться своим особенным “хобби”, пускай и не получил вожеленные глаза. Но при этом я не перестал терять стыда перед родителями. Я всё еще чувствовал большую вину перед ними за свои поступки. Я представил, как мама плачет и содрогается в переживаниях от того факта, что я просто не отвечаю ей на телефон. Для себя

я твёрдо решил, что когда она снова мне позвонит, то я обязательно отвечу ей на телефон и поговорю с ней, извинюсь перед ней... Перед ними! За все мучения, что я причинил им за эту жизнь. Попытаюсь искупить свою вину... Хотя бы перед ними.

Сегодняшний проступок мне казался максимально необдуманным и глупым. Мне показалось, что всё, что я сделал не стоило того, хоть мне и стало намного легче, и я даже почувствовал неизведанное мне облегчение. Но мне было тревожно... Тревожно от мысли, которую я столь долго старался не обсуждать ни с сам собой, ни в этом дневнике. Я просто не готов её признавать. Но убийство открыло мне глаза, и теперь я чётко понимаю, почему всё то, что со мной произошло – произошло.

День 12

14 апреля 2016 года

Сегодня я увидел бледные глаза. Я окончательно разочаровался в жизни. В свой жизни.

Весь вчерашний день я проспал от усталости. Слишком много переживаний в один день. Добраться до мёртвого тела было довольно просто. Я просто прошмыгнул в парк, зашел на открытую площадку, где было полным-полно людей, сделав вид, что я иду сходить там в туалет, а потом я добрался до трупа. Сделав своё дело рядом с ним, я уселся потом прямо напротив него и стал смотреть ему в глаза. Время на часах было пять часов, его глаза мертвецки побледнели. До пяти часов я целый день сидел за столом с настенными часами в руках и прожигал их взглядом, пока не наступил судный час. Но вот беда. Как же сильно я желал эти глаза до убийства, как же я не мог усесться на одном месте, дожидаясь пяти часов, чтобы его глаза уж наверняка потеряли свой цвет, но каково было моё разочарование, когда я добрался до трупа. Все мои идеалы, мысли, идолы, мнения канули в лету. Я потерял весь мотив к жизни, когда, вновь посмотрев на глаза, я... Испытал скуку и неприязнь. В них не было ничего особенного. Не было того удовольствия, когда я смотрел в них весь тот день, была лишь обычная реальность. Я понял, что игра не стоила свеч.

Передо мной более не лежал мешок с белоснежными глазами. Передо мной лежал мертвый человек. Человек!

День 13

15 апреля 2016 года

Должен признаться. Моя нить жизни скоро оборвётся. Сегодня или завтра – не важно. Важно лишь то, что я понял о себе.

Когда я впервые убил, то мне казалось, что мне нравилось смотреть именно в мёртвые глаза, ведь я в них могу спокойно смотреть, но когда я посмотрел в мёртвые глаза того бедного мужчины, то я понял, что это вовсе не так. Смотря второй раз в мёртвые глаза, я испытал скуку. Не было того драйва или адреналина, как тогда, когда я убивал мужчину. И только тогда я осознал факт, который всё это время крутился вокруг меня и еле доносился до моих ушей, который я и сам понимал, но отчаянно не хотел его принимать. Я – убийца. Всё это время я скидывал всю свою натуру на факторы страха: смотреть в глаза и навязчивые мысли. Мысли мыслями, но если бы я не хотел убивать, то никакие навязчивые мысли не заставили бы меня убить. Всё это время я пытался скрыть от мира и от себя самого тот факт, что мне хочется убивать. Когда я смотрел в глаза той женщине, то я наслаждался не просмотром в её глаза, я наслаждался лишь фактом того, что я убил. Белые глаза – это подтверждение того, что передо мной лежит мёртвый человек. Я радовался тому, что я наконец могу раскрыть ту сущность, которая, как мне казалось

на протяжении всех долгих лет, просто не должна существовать и как-то влиять на весь мир. Подтверждение этому моё второе убийство, когда я убивал того бездомного, то я наслаждался именно моментом убийства, а когда же я посмотрел в его бледные глаза, то для меня это оказалось чем-то нормальным. В этом не было ничего необычного. Меня это никак не задевало, не увлекало, не удовлетворяло. Мне вовсе не нужны были глаза. Мне нужно было убивать. Не тело с подвигало меня, а я сам. Я не обращался к психологу только потому, что я не хотел становиться нормальным. Меня вполне устраивал тот факт, что я очень необычен и сильно выделяюсь на фоне остальных. Я чувствовал в себе какую-то ценность в этом мире. И я был по-настоящему доволен лишь тогда, когда убивал. И только сейчас – перед лицом смерти я могу признать это.

Как там говорят? Человек понимает себя по-настоящему только тогда, когда умирает? Похоже, что не солгали. Сегодня я вновь иду к трупу. Я понимаю, что это очевидная ловушка, но я должен посмотреть в лицо своих внутренних демонов. Вероятно, это последний раз, когда я пишу сюда. Прощайте, любите друг друга! Любите себя! Прощайте себе ошибки, цените жизнь людей, цените друг друга! Общайтесь, живите, не бойтесь своих ошибок и смело встречайте лицо страха. Говорю вам, как человек, который делал обратное. И вот куда меня это привело... Простите меня. Мама. Папа.

Эпилог

Наверное, очень странно видеть что-то подобное типа эпилога в дневнике, правда? До этого были лишь дни, а тут вдруг эпилог. Да, действительно странно. Должен вам признаться, я не Александр. Имя своё я вам также не раскрою, так как я сотрудник полиции, который нашёл этот дневник в комнате Александра. Я пишу этот эпилог, так как он очень тесно связан с тем, что происходило до этого. Вообще, как вы можете обратить внимание, до сего момента дневник обращался лишь к одному человеку, но тут вдруг я стал писать так, будто бы это какая-то книжка, и я обращаюсь ко всем читателям. Вы почти угадали, но давайте введу вас в курс дела.

15 апреля 2016 года в парке возле длинной серой кирпичной стены ближе к 20:00 был найден мёртвым молодой человек по имени Александр Споров, 16 лет. Было выяснено, что в него стреляли, однако умер он от потери крови, а не от пулевого ранения. Пуля угадила в макушку Александра, как мы выяснили, он упал возле стены и просто не мог сдвинуться с места. Он пролежал так около двух – трех часов, а затем скончался.

Александр давно уже числился в списках подозреваемых еще с того момента, как к нему приходили на дом на винтажном посёлке, чтобы допросить его по поводу пропавшей

без вести женщины. Тогда он их не пустил, а уже на следующий день пропал из этого района, как раз-таки тогда, когда расходились новости о крупном пожаре. Сейчас, читая этот дневник, всё сходится, но вот тогда всё выглядело как-то слишком глупо. Ещё тогда мне казалось, что в полиции будто бы что-то замышляют против него и пока лишь готовятся. У меня есть теория, что полиции стало известно с самого начала кто главный претендент на роль убийцы, но по неизвестным мне причинам, скрывали всё это от посторонних глаз. Наверное, вы думаете, что я намекаю на тот факт, что именно полиция убила Александра? Но нет, сказать точно я не смогу, да и не очень хочу в этом разбираться. Кто убил Александра большая загадка, даже для меня – сотрудника полиции. Лично у меня есть два подозреваемых, которых я смог определить по слухам, как в участке, так и от тех, кто в это время находился в парке. Есть два варианта развития событий, которые я сейчас опишу здесь, позже вы узнаете -для чего я это делаю.

В 18:00 Александр направлялся в парк, как я уже узнал, к тому кусту, где в последствии был найден труп. Рядом с ним находился инкогнито, который на самом деле является убийцей, но мы не знаем кто это. Когда Александр всё ближе подходил к серой кирпичной стене, он то и дело оглядывался по сторонам. Вообще, наверняка известно, что вёл он себя как-то очень нервно и будто бы знал, что его что-то ждёт. В дневнике Александр сообщал о том, что если он пойдёт к трупу,

то это будет ловушка. Почему-то мне кажется, что Споров уже давно узнал или увидел, что за ним кто-то следит. Что его преследуют. Он знал, что рано или поздно его убьют, но зачем и почему – он не знал. Однако, по каким-то причинам он не стал сообщать об этом в своём дневнике... Наводит на разные мысли, но вернёмся к сцене убийства. Очевидно, что убийца прятался в кустах и ждал момента, когда он сможет выскочить и пристрелить убийцу, однако момент такой всё не выдавался ему, Александр глядел в оба и вечно озирался в разные стороны, но внезапно ему на телефон стал кто-то звонить. Стоило ему только опустить голову к телефону, чтобы посмотреть, кто ему звонил, как тут же раздался выстрел. Александр отлетел к стене, при этом крепко держа телефон. Он не смог сдвинуться с места. Его взгляд был направлен в одно место. Там мы в последствии нашли следы. Судя по всему, он мог лишь смотреть за тем, кто его убил, но при этом ему и оставалось, что, умирая, смотреть на убийцу. По этому варианту убийцей был полицейский (почему он я позже объясню), который не хотел, чтобы его увидели рядом с местом происшествия, поэтому действовал очень осторожно.

Второй вариант. В 18:00 Александр отправлялся до парка, чтобы взглянуть на труп. Он был увлечен какими-то мыслями и был очень невнимателен. Словно ему было без разницы, что происходит вокруг. Словно он смерился с тем, что с ним покончено, он постепенно подходил к серой кирпичной

стене. Как вдруг из неоткуда выскочил высокий мужчина, по этому варианту предполагается, что это был муж той самой женщины, которую убил Александр. Он направил дуло пистолета на Александра и стал что-то ему говорить. Он рыдал и кричал. Скорее всего он угрожал ему, но потом Александру стали звонить на телефон. Он, совершенно не боясь пистолета, просто достал его и стал смотреть, кто ему звонил. Он хотел было ответить, но, видимо, мужчина был напуган резким поведением Александра и просто выстрелил в него. Тот упал на стену и пролежал так два часа, крепко сжимая в руках телефон.

Я был свидетелем того, как он лежал с опечаленным взглядом, уставленным куда-то вдаль. Он находился в положении полусидя. Он лежал, облокотившись спиной о стену, одна нога его лежала полностью на земле, а другая согнувшись. Одна рука лежала на земле и крепко держала телефон, а другая лежала, облокотившись о коленку согнутой ноги, рука сжимала телефон даже после того, как он умер. Его голова упала к земле, но взгляд перед смертью был направлен вверх, как я уже говорил до этого. Его волосы падали на лицо, а по ним стекала кровь. Когда позже мы заполучили телефон, мы узнали, что звонок поступил ему от мамы.

Возвращаясь к списку подозреваемых. Почему я говорю, что его вполне мог убить полицейский? А всё просто, дело в том, что дело закрыли, замяли, или как это ещё можно назвать, в общем, его просто не стало! Не было никакого Алек-

сандра Спорова, который убил двух людей. Эти двое людей никогда не умирали, в той самой школе никогда не учился Александр Споров. И уж тем более, никто никогда не убивал самого Александра Спорова. Всё дело в том, что в том году был особенный упор на воспитание и образование детей в нашей стране. Неоднократно сообщалось о том, что в нашей стране растут прекрасные дети. Если находились какие-то странные случаи того, что дети были причастны к какому-либо преступлению (не говорим уже об особо тяжком, типа Александра), то он них тут же все забывали по одному лишь приказу свыше. Именно поэтому у меня сложилось впечатление, что убийцей мог стать тот, кто может получать эти самые приказы. К сведению, убит он был из пистолета модели P226TC ТК-Pro. И нет, мы не смогли найти оружие на месте преступления. Нам кажется, что пистолет все еще при убийце. Пистолет удалось определить по пуле, которую извлекли из головы Александра.

Как я нашёл этот дневник, и для чего я всё это рассказываю? Нас отправляли пачками сначала на дом, а уже потом в квартиру, где проживал Александр, чтобы пытаться найти и уничтожить все улики, которые смогут кого-либо натолкнуть на то, что здесь происходило с одним лишь школьником. На дому толком ничего особенного нам не удалось найти. Когда мы добрались до квартиры, то это была довольно необычная комната для подростков. Никаких тебе компьютерных игр, комиксов, книг. Он, кажется, вообще толком ни-

чем не интересовался. В соц. сетях он никогда никому не высказывался о своих намерениях, да и вообще, если бы я не знал, кто он, и что он сделал, то я бы никогда и не подумал, что у этого человека может быть что-то не так с психикой. Либо он очень хорошо скрывал все свои недуги, либо просто ему не хотелось это кому-либо показывать и рассказывать. Несмотря на все странности и отречение от социума, он был очень общительным исключительно с теми, с кем получалось. Обследуя комнату, я решил заглянуть в сумки и наткнулся на этот дневник. Уже тогда мне стало известно о намерении скрыть все данные об этом происшествии, но мне стало интересно, что этот человек мог написать в своём дневнике. Я скрыл ото всех свою находку, а после прочёл этот дневник уже у себя дома. Жуткие ощущения, словно ты заглядываешь в чужую душу и читаешь её, как книгу, но так или иначе, прочитав дневник, я принял для себя решение, что все должны узнать правду о том, что случилось.

Все должны знать правду, что да, у нас есть проблемы! Мы не должны скрывать или убегать от этих проблем, ведь все ошибки – это наши уроки жизни. Прежде всего, мы все должны знать, что такие ситуации происходят, чтобы не упасть до того же уровня. Человек провинившийся должен быть наказан по закону. Ведь, кто мы такие, чтобы решать самим, кто должен умереть, а кто нет? Почему кто-то в праве брать на себя роль бога и убивать человека, пускай он и преступник, и я осознаю, что этот человек совершил ужас-

ные вещи, которые никто и никогда не должен совершать. Но ведь, как можно увидеть по концу этой истории, мы на их примере из-за своих же эмоций и одержимости мести становимся точно такими же, какие они есть на самом деле. Мы просто падаем до их уровня, и именно этого мы не должны допускать.

В напутствие хотел бы сказать, что в этой истории я проследил важный для нас всех урок. Именно это я и хочу пожелать читателю. Умейте прощать себя. Умейте прощать друг друга. Ведь, именно непрощённые поступки одного, порождают поступки другого.